

По делу «Лендон, Очаковски-Лоран и Жюли против Франции»

Европейский Суд по правам человека¹, заседав Большой Палатой в составе:

г-на Х.Л. Розакиса, *Председателя Большой Палаты*,

г-на Л. Вильдхабера,
г-на Ж.-П. Коста,
сэра Николаса Братца,
г-на Б.М. Зупанчича,
г-на П. Лоренсена,
г-жи Ф. Тюлькенс,
г-на Л. Лукаидеса,
г-на Ж. Касадевала,
г-на М. Угрехелидзе,
г-жи Э. Штейнер,
г-на Л. Гарлицкого,
г-на Х. Гаджиева,
г-жи Р. Йегер,
г-на С. Йебенса,
г-на Дэвида Тора Бьоргвинссона,

г-на Я. Шикуты, *судей*,
а также при участии г-на М. О'Бойла, *заместителя Секретаря-Канцлера Европейского Суда по правам человека*,

проведя 13 декабря 2006 г. и 5 сентября 2007 г. совещания за закрытыми дверями, в последний из указанных дней вынес следующее постановление:

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

БОЛЬШАЯ ПАЛАТА

ДЕЛО «ЛЕНДОН, ОЧАКОВСКИ-ЛОРАН И ЖЮЛИ ПРОТИВ ФРАНЦИИ»

[LINDON, OTCHAKOVSKY-LAURENS AND JULY V. FRANCE]

(жалобы № 21279/02 и 36448/02)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург

22 октября 2007 г.

Настоящее постановление вступило в силу, но в его текст могут быть внесены редакционные изменения.

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по двум жалобам против Франции, заявленным в Европейский Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция) тремя гражданами Французской Республики (*далее* — заявители). Первая жалоба (№ 21279/02) была заявлена 23 мая 2002 г. г-ном Матье Лендоном (*далее* — первый заявитель) и г-ном Очаковски-Лораном (*далее* — второй заявитель), а вторая жалоба (№ 36448/02) была заявлена 27 сентября 2002 г. г-ном Сержем Жюли (*далее* — третий заявитель).
2. Интересы первых двух заявителей в Европейском Суде представляли г-н Х. Леклерк и г-н Р. Раппапорт, адвокаты, практикующие в г. Париже. Интересы третьего заявителя в Европейском Суде представлял г-н Ж.-П. Леви, адвокат, также практикующий в г. Париже. Интересы властей Франции (*далее* — государство-ответчик) представляла

г-жа Э. Белльяр, Представитель Французской Республики при Европейском Суде по правам человека, глава правового департамента Министерства иностранных дел Франции.

3. Жалобы были переданы в производство Первой Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Европейского Суда). 1 июня 2006 г. Палата этой Секции в составе судей, г-на Х.Л. Розакиса, Председателя Палаты, г-на Л. Лукаидеса, г-на Ж.-П. Коста, г-жи Ф. Тюлькенс, г-жи Э. Штейнер, г-на Х. Гаджиева и г-на С.Е. Йебенса, а также г-на С. Нильсена, Секретаря Секции, уступила свою юрисдикцию в пользу Большой Палаты; ни одна из сторон не возражала против этого (статья 30 Конвенции и правило 72 Регламента Европейского Суда).

4. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 2 и 3 статьи 27 Конвенции и правила 24 Регламента Европейского Суда.

5. Председатель Большой Палаты принял решение о совместном производстве по обеим жалобам (пункт 2 правила 42 Регламента Европейского Суда). Он также принял решение продолжить применение пункта 3 статьи 29 Конвенции при рассмотрении дела Большой Палатой, кото-

рая, соответственно, должна была одновременно рассмотреть вопрос о приемлемости жалоб для их рассмотрения по существу и рассмотреть дело по существу.

6. Государство-ответчик и первые два заявителя представили в Европейский Суд свои письменные замечания относительно приемлемости жалоб для рассмотрения по существу и по существу дела.
7. Слушание дела состоялось публично во Дворце прав человека (г. Страсбург) 13 декабря 2006 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда).

В слушании дела приняли участие:

(а) со стороны государства-ответчика

г-жа А.-Ф. Тиссье, глава отдела по правам человека правового департамента Министерства иностранных дел Франции, *Представитель Французской Республики при Европейском Суде по правам человека*,

От редакции. По делу заявители — писатель и издатель по одной жалобе и главный редактор газеты по второй (жалобы были соединены в одном производстве) — жаловались на то, что признаны их французскими судами виновными в диффамации и назначение наказания в виде штрафа нарушило их право на свободу выражения мнения, закрепленное в статье 10 Конвенции. Первые двое заявителей утверждали, что их осуждение в уголовном порядке на основании высказываний, приписанных автором и издателем художественного произведения реальному лицу, публичному политику, было «непредсказуемым» и не являлось «необходимым в демократическом обществе». Третий заявитель, опубликовавший в своей газете петицию в защиту первых двух заявителей, в которой цитировались выдержки из соответствующего романа, также не считал свое осуждение в уголовном порядке «необходимым в демократическом обществе». Европейский Суд, признав, что оспариваемое вмешательство было основано на «законе» и имело «законную цель», также постановил большинством голосов, что оно было необходимо в демократическом обществе для защиты репутации и прав других лиц, и, следовательно, никакого нарушения требований статьи 10 Конвенции по делу допущено не было. Третий заявитель также утверждал, что рассматривавший его дело суд не был беспристрастным в нарушение гарантий пункта 1 статьи 6 Конвенции, так как двое из троих судей, рассматривавших его дело в Апелляционном суде г. Парижа, также рассматривали дело первых двух заявителей. Европейский Суд не нашел объективных оснований для того, чтобы согласиться с оценкой заявителя, и постановил единогласно, что по делу не было допущено никакого нарушения требований пункта 1 статьи 6 Конвенции.

¹ Далее — Европейский Суд или Суд (*примечание редакции*).

г-жа М. Монжен, Министерство иностранных дел Франции, *советник*,
г-жа О. Диего, Министерство юстиции Франции, *консультант*.

(b) со стороны заявителей

г-н Р. Раппапорт, адвокат,
г-н Ж.-П. Леви, адвокат, *советники*.

Европейский Суд заслушал выступления г-на Раппапорта, г-на Леви и г-жи Тиссье, а также их ответы на вопросы судей.

8. 19 января 2007 г. срок полномочий г-на Л. Вильдхабера на посту Председателя Европейского Суда истек. Его преемником стал г-н Ж.-П. Коста, а г-н Х.Л. Розакис, заместитель Председателя Суда, взял на себя председательство в Большой Палате при рассмотрении настоящего дела.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Первый заявитель является писателем, второй — председателем совета директоров издательства «Р.О.Л.»; третий был главным редактором ежедневной газеты «Либерасьон» [*Libération*]. Они родились в 1955, 1944 и 1949 годах соответственно и проживают в г. Париже.

A. Осуждение г-на Лендона и г-на Очаковски-Лорана (жалоба № 21279/02) в уголовном порядке

1. Издание романа «Суд над Жан-Мари Ле Пеном»

10. Первый заявитель является автором книги, представленной как роман под названием «*Le Procès de Jean-Marie Le Pen*» («Суд над Жан-Мари Ле Пеном») и опубликованной в августе 1998 г. издательством «Р.О.Л.».

11. В романе воспроизводятся подробности судебного процесса по делу в отношении активиста «Национального фронта» Рональда Блистье, который в ходе расклеивания листовок своей партии вместе с другими активистами совершил хладнокровное убийство молодого человека североафриканского происхождения и признаёт, что преступление было совершено из расистских побуждений. Его защищает адвокат Пьер Мин, еврей, гомосексуалист, человек левых убеждений.

Роман основан на реальных событиях, в частности, на произошедших в 1995 году убийствах Брахима Буарамы, молодого марокканца, которого бросили в Сену скинхеды во время марша «Национального фронта»¹, и Ибрагима Али, молодого француза коморского происхождения, который был убит в г. Марселе активистами той же партии. Эти активисты были осуждены в уголовном порядке в июне 1998 г. по результатам рассмотрения дела судом присяжных, в ходе которого лидеры «Национального фронта», включая г-на Ле Пена², заявляли, что дело

является не чем иным, как сфабрикованной провокацией, с помощью которой враги партии хотят ей навредить.

Автор выстраивает сюжет вокруг адвоката, главного героя, который в ходе судебного процесса оказывается втянутым в политические дискуссии. В самом начале он поднимает вопрос об ответственности г-на Ле Пена: «не несет ли лидер «Национального фронта» ответственность за убийство, совершенное одним из его активистов-подростков, вдохновленным его риторикой?» (с. 7). В романе идет речь о ряде фигур, моральные и политические позиции которых характеризуются по отношению к идеологии и политической партии крайне правого толка. В произведении также предпринимается попытка обрисовать сложности и противоречия «антирасистских» позиций.

12. Текст на четвертой странице обложки представляет роман следующим образом:

«Как можно эффективно бороться с Жан-Мари Ле Пенем? Молодой Рональд Блистье, член «Национального фронта», совершил хладнокровное расистское убийство, лишив жизни арабского юношу посреди белого дня. Это дело вызвало огромный резонанс, и большинство согласны с тем, что суд над Блистье должен быть судом над его наставником.

Тридцатилетний адвокат-еврей Пьер Мин защищает убийцу. У него есть кое-какие идеи о том, как лучше всего бороться с Жан-Мари Ле Пенем.

— Устроить Ле Пenu ловушку? Но это может плохо кончиться для всех нас, — предупреждает его любовник Махмуд Маммуди.

Пьер Мин, однако, вступает в битву. Его стратегия непостижима. Не станет ли он мальчиком для битья в глазах борцов с расизмом и героем для тех, кого он намерен победить? Жан-Мари Ле Пен делает вид, что относится к нему с уважением. Проблемы окружают его со всех сторон — как будто бы те, кто не может добиться реального успеха в борьбе с «Национальным фронтом», тем не менее с подозрением относятся ко всякому, кто пытается применить иной подход».

13. Иницировав направление первым двум заявителям повесток с вызовом в суд 20 и 27 ноября 1998 г., «Национальный фронт» и г-н Ле Пен возбудили дело в отношении них в Уголовном суде г. Парижа в связи с совершением уголовно наказуемого деяния, состоявшего в распространении диффамационных сведений о частном лице³ в результате публикации романа, предусмотренного пунктом 1 статьи 29 и пунктом 1 статьи 32 Закона «О свободе печати» от 29 июля 1881 г.⁴ Конкретным предметом заявления о преступлении стали шесть фрагментов романа: четыре фрагмента (с. 10, 86, 105—106 и 136 романа), воспроизведенные в постановлении Апелляционного суда г. Парижа от 13 сентября 2000 г. (см. ниже, пункт 18 настоящего постановления), и следующие два фрагмента:

На с. 28 романа автор приписывает г-же Блистье, матери Рональда, следующие высказывания:

«Может быть, ему это и приходило в голову, но он никогда не был особенно хорошим стрелком — моему мужу не нравилось, когда Рональд брался за его винтов-

¹ Националистическая партия правого толка, возглавляемая Жан-Мари Ле Пенем (см. ниже) (*примечание редакции*).

² Жан-Мари Ле Пен (родился 20 июня 1928 г.) — французский политический деятель правого толка, националист, депутат Европарламента. Начал политическую карьеру в 1956 году, став самым молодым членом парламента страны. Лидер партии «Национальный фронт» с 1972 года. Участвовал в президентских выборах 1974, 1988, 1995 годов. В 2002 году вышел во второй тур президентских выборов, получив 16,86% голосов в первом туре и 17,8% во втором. На выборах 2007 года набрал около 10% (четвертое место). Выступает за ограничение иммиграции во Францию. В свое время был подвергнут штрафу в 1,2 миллиона франков за высказывание о том, что газовые камеры были «лишь эпизодом в истории Второй мировой войны» (*примечание редакции*).

³ В правовой системе Франции диффамация (то есть распространение не соответствующих действительности сведений, порочащих честь, достоинство, а также репутацию лиц), совершаемая с помощью средств массовой информации, в силу Закона «О свободе печати» от 29 июля 1881 г. (с последующими изменениями и дополнениями) преследуется в уголовном порядке и наказывается лишением свободы и (или) штрафом. С вариантом перевода данного Закона на русский язык можно ознакомиться в Интернете по адресу: <http://khimki-news-lolo107.narod.ru/business3.html> (*примечание редакции*).

⁴ Далее — Закон от 29 июля 1881 г. (*примечание редакции*).

ку. Но, возможно, парень чувствовал себя униженным, потому что он никогда никого не избивал, а все его дружки из «Национального фронта» хвастались своими еженедельными рейдами-зачистками в жилых районах».

На с. 118 романа, где описывается демонстрация «Национального фронта», автор пишет:

«Голпа, собравшаяся на площади Бастилии, теперь возбужденная речами своего «зажигателя» в основном состоит из молодежи. Если их обыскать, можно обнаружить сотни пистолетов. Они готовы к сражению — им будет только приятно, если ультралевые организации останут свой выбор на стратегии открытой схватки. Атмосфера в некоторых отношениях говорит о готовом вспыхнуть восстании, но, как замечали присутствовавшие журналисты, со стороны демократов можно было говорить скорее об отвращении, чем о панике. До фашистского путча еще далеко, люди скорее испытывают страх перед начинающейся гангреней — социальным недугом, распространение которого иногда можно остановить или заставить временно отступить».

2. Приговор Уголовного суда г. Парижа от 11 октября 1999 г.

14. В своем приговоре, вынесенном 11 октября 1999 г., Уголовный суд г. Парижа признал второго заявителя виновным в распространении диффамационных измышлений, а первого заявителя — в соучастии в совершении этого правонарушения, учтя, при этом, только четыре из шести вмененных фрагментов, а именно фрагменты на с. 10, 86, 105—106 и 136 книги. Каждому из них было назначено наказание в виде штрафа в размере 15 тысяч франков (эквивалентно 2286 евро 74 центам): суд также обязал заявителей солидарно выплатить 25 тысяч франков (3 811 евро 23 цента) в порядке возмещения вреда каждому из истцов, а также возместить стоимость публикации и оглашения приговора.

В своем приговоре Уголовный суд г. Парижа установил следующее:

«К вопросу о том, носила ли публикация диффамационный характер:

Следует, прежде всего, отметить, что хотя автор принял решение написать «роман», о чем сообщается на первой странице обложки книги, он изображает, наряду с различными вымышленными персонажами, реального и ныне живущего политического деятеля, а именно Жан-Мари Ле Пена, и его партию «Национальный фронт». Кроме того, автор сообщает о теме своей работы в самом названии «Суд над Жан-Мари Ле Пенем». На четвертой странице обложки он задает вопрос «Как можно эффективно бороться с Жан-Мари Ле Пенем?», а в первых нескольких строках романа задается другим вопросом: «не несет ли лидер «Национального фронта» ответственность за убийство, совершенное одним из его активистов-подростков, вдохновленным его риторикой?» Читатель, таким образом, немедленно понимает, что вымышленный суд является средством прямой критики в адрес Жан-Мари Ле Пена, особенно с учетом того, что описываемые факты по большей части и с очевидностью отражают реальные события, которые оказали огромное влияние на общественное мнение.

Соответственно, несмотря на то, что речь идет о романе и что оспариваемые замечания исходят только от вымышленных персонажей, можно тем не менее отметить, что цель работы состоит в распространении явно выраженных идей и создании определенного имиджа Жан-Мари Ле Пена, его партии и их деятельности. Квалификация вменяемого деяния не может, таким образом, быть исключена только на основании методики, использованной для достижения этой цели.

Текст, вне зависимости от своего литературного жанра, способен опорочить достоинство и репутацию истцов, и це-

лесообразно рассмотреть каждый из фрагментов на предмет установления их смысла и значения, а также установления того, носят ли они достаточно определенный характер с точки зрения предъявленного обвинения в диффамации, чтобы исследовать вопрос о доказывании.

Первый фрагмент на с. 10 романа: Указание на то, что Жан-Мари Ле Пен — главарь банды убийц — иными словами, что он возглавляет группу людей, совершающих убийства — представляет собой явно диффамационное указание на достаточно определенную деятельность со ссылкой на преступление, совершенное из расистских побуждений одним из главных героев романа, молодым членом «Национального фронта»; причем утверждается, что совершенное им деяние основывалось на вдохновении, почерпнутом из идей, за которые выступает Жан-Мари Ле Пен.

Не имеет значения тот факт, что преступление «Рональда Блистье» не имело места в действительности, так как в намерения автора входило не написание сатирического произведения о невозможном событии, но, напротив, убеждение читателя в том, что с учетом идеологии Жан-Мари Ле Пена такой сценарий вполне вероятен и что последний был бы ответственен за него. История также неизбежно вызывает в памяти читателя прошедший в июне 1998 г. процесс по делу в отношении расклеивщиков листовок «Национального фронта», которые были обвинены в убийстве молодого человека коморского происхождения, Ибрагима Али, в г. Марселе. Аналогичным образом, когда автор несколькими пассажами позже вспоминает об убийстве чернокожего подростка по имени «Жюльен Торис», которого бросают в Сену во время демонстрации с участием «Национального фронта», читатель не может не вспомнить о реальном убийстве Брахима Буарама, убийцы которого принимали участие в марше, организованном указанной партией.

Определенность фактов, описанных в оспариваемом фрагменте, таким образом, достаточна для квалификации в качестве диффамации в отношении истцов, и факты, на которые дается такая ссылка, могут быть предметом доказывания.

Второй фрагмент на с. 28 романа: Утверждение о том, что «все его дружки из «Национального фронта» хвастались своими еженедельными рейдами-зачистками в жилых районах», не прояснено какими-либо замечаниями и не проиллюстрировано какими-либо фактами. Оно могло проистекать из хвастливости, приписываемой персонажу романа, и является слишком неконкретным для уголовного преследования.

Третий фрагмент на с. 86 романа: «Национальный фронт» обвинен в применении насилия по отношению к тем, кто выходит из партии. Один из персонажей предупреждает адвоката Рональда Блистье об «обычной стратегии «Национального фронта» по отношению к кому-либо, его покидающему («избить тебя — <...> десять на одного, с арматурой, дубинками, ботинками с железными носами, однажды вечером, когда ты выйдешь из дома»).

Данный фрагмент, касающийся фактов, которые являются определенными и могут быть предметом доказывания, а именно нападения и даже убийства тех, кто осмелится предать и оставить партию, наносит ущерб чести «Национального фронта».

Четвертый фрагмент на с. 105—106 романа: Обвинение Жан-Мари Ле Пена в высказываниях «с расистским подтекстом, который в лучшем случае едва скрыт» и высказывание о том, что «из-за каждого его утверждения проглядывает весь спектр самых страшных ужасов в истории человечества», представляет собой диффамацию в его отношении, так как он обвиняется в форме расизма, которая напоминает читателю о худших когда-либо имевших место зверствах. Более того, несколькими строками ниже автор объясняет, что Жан-Мари Ле Пен способен вложить идею о расистском убийстве в сознание простых людей вроде Рональда Блистье, у которого «не было бы в руке пистолета,

направленного на парня из Северной Африки, если бы это не сделал возможным Жан-Мари Ле Пен» (с. 106).

Пятый фрагмент на с. 118 романа: Этот отрывок, в котором вначале описываются молодые активисты «Национального фронта», возбужденные своим «главным болтуном», а затем говорится о том, что сотни из них вооружены, а атмосфера говорит о «готовом вспыхнуть восстании», явно имеет диффамационный характер по отношению к Жан-Мари Ле Пену, но является слишком неопределенным для признания диффамацией; последующие замечания касаются не «Национального фронта», а участников демонстраций партии и, следовательно, не могут приниматься во внимание.

Шестой фрагмент на с. 136 романа: Жан-Мари Ле Пен обвиняется в том, что он «вампир», питающийся «разочарованием своего электората» и «кровью своих врагов», а также лжец, клеветущий на своих оппонентов, чтобы защититься от обвинений с их стороны.

Автор развивает образ и термин «вампира», указывая сразу после указанного фрагмента: «<...> Жан-Мари Ле Пен использовал жизнь Рональда Блистье, а теперь использует его смерть, чтобы вызвать к жизни новых Рональдов Блистье, превратить новых утративших цель в жизни молодых людей в марионеток, жизнью и смертью которых будет манипулировать этот безжалостный кукловод».

Эти обвинения в использовании жизни и смерти молодых активистов, в понуждении их к убийствам и самоубийствам для достижения собственных политических целей, имеют определенный характер и наносят ущерб чести и репутации Жан-Мари Ле Пена.

К вопросу о добросовестности:

По закону диффамационными утверждениями признаются такие утверждения, которые были сделаны с умыслом на причинение вреда, однако они могут быть оправданы, если автор сможет показать, что он действовал добросовестно.

Суд отмечает в связи с этим, что автор не просто написал художественное произведение. Он изобразил для своих читателей Жан-Мари Ле Пена, занимающегося своей обычной деятельностью в качестве главы «Национального фронта», с намерением подвергнуть критике его и его партию и бросить вызов их идеям. В ходе судебного разбирательства Матье Лендон сам заявил, что в значительном объеме использовал сведения из средств массовой информации; в результате читатель может оказаться неспособным провести четкую границу между фактами и вымыслом — настолько явным было стремление связать те или иные ситуации и высказывания с недавними событиями.

Хотя в сфере политической полемики и идеологических дискуссий автору должна быть предоставлена наибольшая свобода выражения мнений, эта свобода не является неограниченной и заканчивается там, где дело доходит до личных выпадов, совершаются ли они непосредственно автором или устами вымышленных персонажей, а также дискредитируется искажением фактов и несдержанным языком.

Хотя защита утверждает, что данная история отражает действительность и не искажает ее, представленные документы, которые в основном являются статьями из средств массовой информации, будучи лишены доказательственной ценности, недостаточны для обоснования дискредитирующих высказываний, принятых во внимание судом, касающихся уголовно наказуемых деяний, в совершении которых обвиняются истцы. При рассмотрении дела не было представлено каких-либо обвинительных судебных актов, и в отсутствие документов суд может только заключить, что Матье Лендон искажал факты с целью усиления враждебности своих читателей по отношению к Жан-Мари Ле Пену и его партии.

Кроме того, хотя авторам и полемистам предоставляется свобода использования определенного стиля, это не оправдывает крайне неумеренных высказываний, допущенных в тексте.

Следовательно, нельзя согласиться с тем, что подсудимые

действовали добросовестно, и обвинение в диффамации в отношении Жан-Мари Ле Пена и «Национального фронта» должно быть, соответственно, поддержано <...>».

3. Постановление Апелляционного суда г. Парижа от 13 сентября 2000 г.

15. Первые два заявителя обжаловали вышеуказанный приговор Уголовного суда г. Парижа в Апелляционный суд г. Парижа. Они оспаривали вывод суда о том, что соответствующие фрагменты являются дискредитирующими по своему характеру. Они утверждали, что речь идет о художественном произведении, изображающем вымышленных персонажей, как читатель мог убедиться на самой первой странице. Они также утверждали, что высказывания были лишь оценочными суждениями об истцах, отражающими, при некоторой отстраненности и иронии, общественные дискуссии о том, как следует лучше всего бороться с распространением крайне правых взглядов. В качестве альтернативной позиции, заявляя о своей добросовестности, они утверждали, что идеи г-на Ле Пена и «Национального фронта» не были искажены романом и его персонажами, и что признанные диффамационными отрывки состояли исключительно из высказываний, сделанных вымышленными персонажами, не отражая идей автора, который, со своей стороны, ставил своей целью подвергнуть критике стратегии, используемые антирасистскими ассоциациями и левыми интеллектуалами в целом в их борьбе с «Национальным фронтом».

Заявители ссылались на статью 10 Конвенции, утверждая, что эта норма исключает осуждение лица в уголовном порядке, так как художественное произведение может отражать дискуссии, касающиеся моральной ответственности «Национального фронта» и идей его лидера о совершении расистских преступлений. Они подчеркивали, что свобода иметь свое мнение была бы нарушена, если бы автор оценочного суждения мог подвергаться уголовному преследованию под тем предлогом, что не может доказать истинность своего мнения, и ссылались в связи с этим на постановление Европейского Суда от 8 июля 1986 г. по делу «Лингенс против Австрии» [*Lingens v. Austria*] (серия «А», № 103). Наконец, они заявляли о том, что в прошлом по отношению к истцам различными политическими деятелями и журналистами допускались не менее агрессивные и дискредитирующие высказывания, а сам г-н Ле Пен несколько раз признавался виновным в разжигании расовой розни.

16. В своем постановлении, вынесенном 13 сентября 2000 г., Апелляционный суд г. Парижа (одинадцатая коллегия в составе г-на Шарве, председательствующего, г-на Блана и г-на Делетана) оставил без изменения приговор Уголовного суда г. Парижа от 11 октября 1999 г. в части диффамационного характера трех из четырех фрагментов, учтенных Уголовным судом, а также наложенных штрафов и возмещения вреда по гражданскому иску, присужденного этим судом.

17. В своем постановлении Апелляционный суд указал, во-первых, что обсуждаемое произведение является «романом», «плодом вымысла», как его определяет словарь «Пти Робер» [*Petit Robert*], сюжетная линия которого выстроена вокруг дилеммы, стоящей перед главным героем: «На этой основе автор выстроил сюжет, развивающийся от начала разбирательства по делу главного героя до его самоубийства в тюрьме перед выступлениями защиты и обвинения, а также предоставил слово многим героям, которые в основном представлены как стереотипы, характеризующиеся своей моральной или политической позицией по отношению к истцам, которые сами — явно реальные лица». Суд далее отметил, что г-н Ле Пен и «Национальный фронт», изображенные в романе в своем реальном и имеющем место на настоящий момент качестве, постоянно играют активную роль не толь-

ко в дебатах, происходящих в открытом суде, но и в обменах мнениями между различными персонажами «и даже в глубоко личных противоречиях, с которыми сталкивается главный герой». Суд отметил также, что в ряде случаев те или иные слова вкладываются в уста Ле Пена, который «выражает взгляды, близкие или идентичные тем, которые он выражал в действительности, но которые истцы не считают наносящими ущерб его чести и репутации или чести и репутации партии, лидером которой он является». Суд далее установил, что тема книги состоит в вопросе, заданном на последней странице обложки: «Как можно эффективно бороться с Жан-Мари Ле Пеном?», добавив, что «такой вопрос, даже в романе, не является сам по себе дискредитирующим его».

18. Далее суд указал, что статья 29 Закона от 29 июля 1881 г. определяет диффамацию как «высказывание или утверждение о факте, которое порочит честь или репутацию лица», и что в законе не проводится различия на основании характера соответствующего текста. В связи с этим к любому тексту, будь то политическому, философскому, художественному или даже поэтическому, применяются соответствующие нормы по таким вопросам, касающиеся как общественного порядка, так и защиты частных лиц. Однако суд добавил, что «применение правил относительно диффамации к статье в средстве массовой информации или иному тексту, непосредственно выражающему взгляды его автора, требует — если текст является художественным произведением — рассмотрения вопроса о том, действительно ли истцы являются теми, кого касаются дискредитирующие высказывания, а затем — о значении, которое автор придает словам своих героев в свете идей, которые он в действительности отстаивает в своем произведении». Что касается второго соображения — первый факт был с очевидностью установлен — суд пришел к следующему выводу: «<...> необходимо провести различие между дискредитирующими фрагментами на с. 10, 86, 105 и, наконец, 136 — единственными фрагментами, которые следует принять во внимание: некоторые из них выражают взгляды рассказчика и совпадают с идеями автора, которые можно вывести из произведения в целом, в то время как другие можно лишь приписать персонажам, выступающим с соответствующими высказываниями, в той степени, в которой автор отделяет себя от этих высказываний на протяжении всего текста, будь то посредством введения фигуры рассказчика или иными средствами».

Используя эту методику, суд пришел к следующим выводам относительно четырех обсуждаемых отрывков:

«1. Стр. 10 романа: «<...> эффективный способ борьбы с Ле Пеном состоит в том, чтобы он оказался на скамье подсудимых и чтобы было продемонстрировано, что он — не лидер политической партии, а главарь банды убийц — в конце концов, за Аль-Капоне люди бы тоже проголосовали» [этот взгляд приписан автором участникам антирасистской демонстрации, собравшимся рядом с судом].

Этому фрагменту текста предшествует другой, который не упоминался истцами: «Для них недостаточно назвать Рональда Блистье убийцей», следующего за описанием рассказчиком толпы «антирасистов», собравшихся рядом со зданием суда во время судебного процесса над Рональдом Блистье.

Утверждение о том, что г-н Жан-Мари Ле Пен является не председателем политической партии, а главарем банды убийц, сопровождаемое к тому же его приравниванием к Аль-Капоне, очевидно следует признать диффамационным, как совершенно справедливо установил нижестоящий суд.

В предыдущих или последующих предложениях не содержится ничего, что указывало бы на какую-либо отстраненность рассказчика — а следовательно, в свете литературной конструкции книги, и самого автора — от этого утверждения, которое приписывается демонстрантам, собравшимся у здания

суда, и которое, более того, перекликается с вопросом, представленным на четвертой странице обложки как тема книги: «Как можно эффективно бороться с Жан-Мари Ле Пеном?»

Следовательно, настоящий отрывок представляет собой диффамацию в отношении истцов.

2. Стр. 86 романа: «Он (Блистье, [обвиняемый]) хочет напугать тебя, Пьеро [адвоката]. Он хочет поставить на тебе клеймо как на члене своего клана: это распространенная стратегия «Национального фронта», чтобы ты выглядел как предатель, когда позже позволишь себе малейшую критику Ле Пена и его последователей, поэтому они будут чувствовать себя морально вправе избить тебя — прийти за тобой, десять на одного, с арматурой, дубинками, ботинками с железными носами, однажды вечером, когда ты выйдешь из дома, и четко дать тебе понять, что те, кто приходят в команду, остаются вместе до конца жизни. Никто безнаказанно не уходит из «Национального фронта». Пожалуйста, не пытайся и будь умницей, Пьеро. Я не хочу, чтобы они тебя убили».

Эти слова произносит любовник адвоката, г-на Мина, главного героя. Говорящий предлагает свое собственное объяснение поведению подсудимого по отношению к его адвокату во время разбирательства в ответ на вопрос Мина.

Настоящий фрагмент содержит комментарии, автором которых является конкретный вымышленный персонаж, хотя и дискредитирующие истцов, как заметил нижестоящий суд.

Тем не менее, и вопреки мнению нижестоящего суда, они не представляются могущими быть предметом доказывания в значении Закона от 29 июля 1881 г.: они приписаны вымышленному персонажу в ситуации, которая сама по себе является вымышленной, и текст не позволяет предположить, что они непременно должны рассматриваться как соотносящиеся с мнением автора.

Настоящий отрывок не представляет собой диффамацию в отношении истцов.

3. С. 105—106 романа: «Почитайте газеты, послушайте радио и телевидение, каждое высказывание Жан-Мари Ле Пена украшено — а точнее, запачкано и забрызгано — расистским подтекстом, который в лучшем случае едва скрыт. Каждое из его слов — прикрытие для других, а из-за каждого его утверждения проглядывает весь спектр самых страшных ужасов в истории человечества. Все это знают, все об этом говорят. Рональд Блистье сделал именно то, за что выступает Жан-Мари Ле Пен. Возможно, невольно — он старается соблюдать закон, хотя у него это не всегда получается. Но если вы подумаете о ситуациях, в которых он говорит, намеках, которые он делает, и людей, которых он поддерживает — никаких сомнений быть не может» [здесь адвокат обращается к суду].

Честь и репутацию Жан-Мари Ле Пена явно порочит обвинение его в «допущении слов и утверждений с расистским подтекстом, который в лучшем случае едва скрыт и из-за которого проглядывает весь спектр самых страшных ужасов в истории человечества».

Такое обвинение может быть предметом обсуждения относительно того, является ли оно истинным по отношению к реальному дискурсу г-на Жан-Мари Ле Пена и «Национального фронта».

Подсудимые не могут говорить об иммунитете от судебной ответственности подобных утверждений одновременно на том основании, что они используются в художественном произведении, и что на них распространяется предусмотренный законом иммунитет от судебной ответственности для высказываний, произнесенных в ходе судебного разбирательства.

Высказывание героя романа г-на Мина, адвоката: «Рональд Блистье сделал именно то, за что выступает Жан-Мари Ле Пен», следующее за замечанием рассказчика — непосредственно перед абзацем, содержащим обсуждаемый фрагмент — о том, что «опять же, все согласны, что суд должен быть над Жан-Мари Ле Пеном, а не над Рональдом Блистье, иначе он не оказал бы такого воздействия», показывает, что

посредством замечаний, приписываемых главному герою, именно Матье Лендон выражает свое мнение об истцах.

Настоящий фрагмент представляет собой диффамацию в отношении истцов.

4. С. 136 романа: После самоубийства подсудимого в тюрьме его адвокат делает следующее заявление по телевидению: «Как Жан-Мари Ле Пену может быть позволено играть роль жертвы после самоубийства Рональда Блистье? Разве лидер «Национального фронта» — не вампир, питающийся разочарованием своего электората, а иногда и его кровью, как и кровью своих врагов? Почему Ле Пен обвиняет демократов в предполагаемом убийстве Рональда Блистье? Потому что он не боится лжи — потому что диффамация в отношении оппонентов всегда представляется ему полезной, конечно, но это также и просто способ отведения подозрений от себя; именно он кричит громче всех в надежде, что его болтовня заглушит обвинения против него самого».

Описание Жан-Мари Ле Пена, лидера «Национального фронта», как «вампира, питающегося разочарованием своего электората, а иногда и его кровью, как и кровью своих врагов», порочит честь и репутацию обоих истцов.

Данный отрывок представляет собой часть продолжительного телевизионного выступления главного героя (единственного за исключением его любовника героя, показанного в романе в положительном свете, так как оба героя отражают, так сказать, собственные рассказчику противоречия и ценности) после самоубийства обвиняемого в тюрьме.

Очевидно, что данная речь, которая приобретает форму обвинительного заключения, и которая представлена как единственное интервью, данное прессе адвокатом, до того неоднократно отказывавшимся это делать, представляет собой некий синтез и окончательное заключение, с помощью которого автор решил дать своему герою возможность выразить, с определенной степенью торжественности в контексте данного произведения, его собственные взгляды как писателя с активной и жесткой позицией.

Более того, на последних двух страницах книги, после телевизионного выступления, не прослеживается никакой отстраненности рассказчика от сделанных заявлений.

Таким образом, настоящий фрагмент представляет собой диффамацию в отношении истцов».

19. Апелляционный суд также не согласился с доводом о том, что заявители действовали добросовестно, по следующим основаниям:

«Диффамационные высказывания считаются недобросовестными, если обвиняемому не удастся показать, что они соответствуют каждому из следующих требований: они должны преследовать правомерную цель; они не должны быть отражением какой-либо личной вражды с его стороны по отношению к истцу; должно было иметь место серьезное предварительное расследование; используемые формулировки должны быть сдержанными.

В настоящем деле правомерность цели, преследуемой обвиняемым посредством его романа, а именно «эффективно бороться с Жан-Мари Ле Пеном», иными словами, участвовать в политической борьбе, не может оспариваться в демократическом обществе.

Претендуя на «участие в борьбе», обсуждаемый роман и, в частности, фрагменты, признанные диффамационными, свидетельствуют об открытой враждебности по отношению к истцам. Однако эта враждебность явно относится к неприятию, испытываемому обвиняемыми по отношению к идеям и ценностям, представляемым в публичных дискуссиях истцом как лидером «Национального фронта». Эта враждебность, которая не направлена на истца персонально, не может быть признана предосудительной сама по себе.

Поскольку речь идет о художественном произведении, вопрос о серьезности расследования, которое легло в его основу, не может рассматриваться так же, как если бы речь шла о тексте, предназначенном для информирования читателя о реальных фактах или комментирования таких фактов. Однако принцип, использованный для создания обсуждаемого произведения, как это явствует из его прочтения и как признали сами обвиняемые в суде, основан на введении в вымышленный сюжет, с одной стороны, ряда вымышленных персонажей, а с другой — лидера «Национального фронта», реальной фигуры, представляющей собой центр, по отношению к которому выражают себя вымышленные персонажи и вокруг которого они вращаются на протяжении всего романа.

Более того, идеи, риторика, поступки и жесты г-на Жан-Мари Ле Пена достоверно описаны в романе — как утверждаю сами обвиняемые, предоставляя тому убедительное доказательство — по отношению к различным реальным проявлениям его политической деятельности. Соответственно, представляется целесообразным рассмотреть вопрос о том, предшествовало ли использованию диффамационных суждений, высказанных автором, расследование, достаточно серьезное для того, чтобы оправдывать эти суждения.

В связи с этим, хотя риторика и идеи, приписываемые истцам, вместе с последующими дискуссиями несомненно созвучны действительному представлению идей «Национального фронта» в освещении французской политической жизни сегодня, обвиняемые не смогли представить каких-либо конкретных доказательств того, что использованию признанных диффамационными формулировок предшествовала какая-либо простая проверка на предмет соответствия действительности, представление о которой должно возникать в результате использования этих формулировок.

Аналогичным образом нельзя сказать, что форма выражения, использованная в трех признанных диффамационными фрагментах, достаточно сдержанна: сравнение Жан-Мари Ле Пена с «главарем банды убийц» (стр. 10), утверждение о том, что Жан-Мари Ле Пен — реальное лицо — «выступал» за убийство, совершенное Блистье — вымышленным персонажем, а также описание лидера «Национального фронта» — реального лица — как «вампира, питающегося разочарованием своего электората, а иногда и его кровью», явно выходят за допустимые в таких вопросах пределы.

Следовательно, нельзя согласиться с тем, что обвиняемые действовали добросовестно.

Наконец, аргумент, основанный на применении статьи 10 Конвенции о защите прав человека и постановлении [Европейского Суда по правам человека] от 8 июля 1986 г. по делу «Лингенс против Австрии», в соответствии с которым «оценочное суждение относительно политического деятеля по своей природе не может быть предметом доказывания», несостоятелен.

Суждения, признанные по настоящему делу диффамационными и направленные в адрес реально действующего политического деятеля, не являются исключительно оценочными суждениями в смысле указанного выше постановления Европейского Суда по правам человека, где журналист описал действия политического деятеля как «самый низкий оппортунизм» и назвал его «аморальным» и «недостойным». В случае г-на Лендона он обвиняет истца в определенных конкретных действиях (называя его «главарем банды убийц», «выступающим за совершение убийства» и «вампиром, питающимся разочарованием и кровью своих избирателей»).

4. Постановление Кассационного суда Франции от 27 ноября 2001 г.

20. Постановлением от 27 ноября 2001 г. Кассационный суд Франции¹ отклонил жалобу по вопросам права, поданную

первыми двумя заявителями. Он не согласился с аргументом, основанным на предполагаемом нарушении статьи 10 Конвенции, по следующим причинам:

«<...> Признав подсудимых виновными в публичной диффамации в отношении частного лица, принимая во внимание три фрагмента произведения, судьи, которые верно оценили смысл и значение текстов, порочащих честь и репутацию истцов, обосновали свой приговор, не нарушив нормы Конвенции, на которые ссылаются заявители в качестве основания для обжалования.

Хотя статья 10 Конвенции <...> устанавливает в своем первом пункте, что каждый имеет право свободно выражать свое мнение, второй пункт этой статьи гласит, что осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственности, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах защиты репутации других лиц <...>».

В. Осуждение г-на Жюли (жалоба № 36448/02) в уголовном порядке

1. Статья, опубликованная в ежедневной газете «Либерасьон»

21. В номере от 16 ноября 1999 г., в рубрике под названием «Отголоски» [*«Rebonds»*], ежедневная газета «Либерасьон» [*Libération*] опубликовала статью за подписью 97 современных писателей об осуждении в уголовном порядке первых двух заявителей за диффамацию и соучастие в диффамации приговором Уголовного суда г. Парижа от 11 октября 1999 г. (см. выше, пункт 14 настоящего постановления). Статья имела форму петиции и гласила:

«Петиция. Фрагменты из книги «Суд над Жан-Мари Ле Пеном», за которые были осуждены в уголовном порядке Матье Лендон и его издатель, не являются диффамационными. Мы готовы использовать их в романе. Мы будем писать против Ле Пена.

Романам не могут даваться неограниченные права. Но они имеют право на существование и на обращение к реальному миру, в котором живет автор и его современники. Матье Лендон и его издатель Поль Очаковский-Лоран были осуждены в уголовном порядке за диффамацию в отношении Жан-Мари Ле Пена на основании четырех фрагментов романа «Суд над Жан-Мари Ле Пеном».

Написать — в романе — что демонстранты, собравшиеся почтить память жертвы расистского убийства, полагают, что «для них недостаточно назвать Рональда Блистье убийцей; эффективный способ борьбы с Ле Пеном состоит в том, чтобы он оказался на скамье подсудимых и чтобы было продемонстрировано, что он — не лидер политической партии, а главарь банды убийц — в конце концов, за Аль-Капоне люди бы тоже проголосовали», на мой взгляд, не является диффамацией, и я готов написать это в романе.

Написать — в романе — что любовник адвоката, защищающего убийцу и члена «Национального фронта», предупреждает его: «Он хочет напугать тебя, Пьеро. Он хочет поставить на тебе клеймо как на члене своего клана: это распространенная стратегия «Национального фронта», чтобы ты выглядел как предатель, когда позже позволишь себе малейшую критику Ле Пена и его последователей, поэтому они будут чувствовать себя морально вправе избить тебя — прийти за тобой, десять на одного, с арматурой, дубинками, ботинками с железными носами, однажды вечером, когда ты выйдешь из дома, и четко дать тебе понять, что те, кто приходят в команду, остаются вместе до конца жизни. Никто безнаказанно не уходит из «На-

ционального фронта». Пожалуйста, не пытайся и будь умницей, Пьеро. Я не хочу, чтобы они тебя убили», на мой взгляд, не является диффамацией, и я готов написать это в романе.

Написать — в романе — что адвокат, защищая своего клиента, которого обвиняют в расистском преступлении, выдвигает в суде следующий аргумент: «Почитайте газеты, послушайте радио и телевидение, каждое высказывание Жан-Мари Ле Пена украшено — а точнее, запачкано и забрызгано — расистским подтекстом, который в лучшем случае едва скрыт. Каждое из его слов — прикрытие для других, а из-за каждого его утверждения проглядывает весь спектр самых страшных ужасов в истории человечества. Все это знают, все об этом говорят. Рональд Блистье сделал именно то, за что выступает Жан-Мари Ле Пен. Возможно, невольно — он старается соблюдать закон, хотя у него это не всегда получается. Но если вы подумаете о ситуациях, в которых он говорит, намеках, которые он делает, и людей, которых он поддерживает — никаких сомнений быть не может», на мой взгляд, не является диффамацией, и я готов написать это в романе.

Написать — в романе — что адвокат, который плохо защищал своего клиента, члена «Национального фронта», обвиненного в расистском убийстве, проводит следующий анализ: «Как Жан-Мари Ле Пену может быть позволено играть роль жертвы после самоубийства Рональда Блистье? Разве лидер «Национального фронта» — не вампир, питающийся разочарованием своего электората, а иногда и его кровью, как и кровью своих врагов? Почему Ле Пен обвиняет демократов в предполагаемом убийстве Рональда Блистье? Потому что он не боится лжи — потому что диффамация в отношении оппонентов всегда представляется ему полезной, конечно, но это также и просто способ отведения подозрений от себя; именно он кричит громче всех в надежде, что его болтовня заглушит обвинения против него самого», на мой взгляд, не является диффамацией, и я готов написать это в романе.

Если эти отрывки считаются диффамацией в романе, то они должны считаться диффамацией и в реальной жизни. Жан-Мари Ле Пен должен подать на меня в суд, а суд должен осудить меня, если они верны своей собственной логике, за воспроизведение этих отрывков здесь».

2. Приговор Уголовного суда г. Парижа от 7 сентября 2000 г.

22. В связи с публикацией вышеуказанной статьи г-н Ле Пен и его партия добились вызова в Уголовный суд г. Парижа третьего заявителя в качестве главного редактора «Либерасьон», заявив, что тот совершил акт публичной диффамации в отношении частного лица (в соответствии с пунктом 1 статьи 29, пунктом 1 статьи 32 и статьей 42 Закона «О свободе печати» от 29 июля 1881 г.).

23. Своим приговором, вынесенным 7 сентября 2000 г., суд признал заявителя виновным в диффамации и приговорил его к уплате штрафа в размере 15 тысяч франков (2286 евро 74 цента). Он также был обязан возместить ущерб в размере 25 тысяч франков (3811 евро 23 цента).

Суд, отметив, что газета «Либерасьон» воспроизвела в полном объеме фрагменты текста, которые были признаны им диффамационными в приговоре от 11 октября 1999 г., установил, что «диффамационный характер высказываний, которые уже были признаны порочащими честь и репутацию иного лица и которые были воспроизведены в статье, <...> не вызывает сомнений». Что касается вопроса о добросовестности, суд указал, что хотя газета «Либерасьон» может выступать с комментариями относительно судебного акта и распространять идеи и сведения, которые составляют тему публичной дискуссии, тем не менее следует признать, что существует «разница между правом выступления

¹ Во Франции Кассационный суд возглавляет систему судов общей юрисдикции и, по сути, является верховным судом страны (примечание редакции).

с петицией и обнародованием петиции посредством использования сомнительных формулировок». По мнению суда, публикация порочащих честь и репутацию фрагментов отдельно, вне их литературного контекста, увеличила порочащий потенциал высказываний, которые были перенесены на почву реальности и достоверности, без какого-либо обсуждения идей, как подчеркивают сами лица, подписавшие петицию, в заключение: «Если эти отрывки считаются диффамацией в романе, то они должны считаться диффамацией и в реальной жизни». Суд отметил, что другие газеты освещали дебаты, вспыхнувшие после публикации «Суда над Жан-Мари Ле Пенем», и появление петиции после осуждения в уголовном порядке его автора, но не воспроизводили порочащие честь и репутацию фрагменты в полном объеме. Суд указал, что третий заявитель «мог <...> рассказать о порочащей честь и репутацию петиции и проинформировать читателей о взглядах многочисленных писателей и журналистов, не повторяя, однако, правонарушения, за которое были осуждены в уголовном порядке г-н Лендон и его издатель, воспроизведя отрывки, которые были признаны диффамационными в предыдущем приговоре суда».

3. *Постановление Апелляционного суда г. Парижа от 21 марта 2001 г.*

24. 12 сентября 2000 г. третий заявитель обжаловал приговор суда. Он утверждал, что вменяемая ему в вину статья была частью широких политических дебатов относительно деятельности «Национального фронта» и его лидера, и что эти дебаты были ожесточенными в связи с событиями, которые имели место. Именно эти события вдохновили написание романа первым заявителем, чью позицию защищали люди, подписавшие петицию, отреагировав в демократическом духе из соображений бдительности перед угрозой ультраправого движения. Третий заявитель пояснил, что рубрика «Отголоски» была специально отведена для мнений комментаторов, не имеющих отношения к газете, которые выражают свои взгляды с целью возбуждения дискуссии и провоцирования реакций среди читателей. Он добавил, что рубрика в принципе не должна была быть объективной или беспристрастной; ее цель состояла в распространении мнений и, следовательно, предполагала свободу такие мнения иметь. Он заявлял, что свободному обсуждению политических вопросов не должны мешать избыточные требования, связанные с защитой прав других лиц или предотвращением беспорядков.

25. В своем постановлении от 21 марта 2001 г. Апелляционный суд г. Парижа (одиннадцатая коллегия в составе г-на Шарве, председательствующего, г-на Делетана и г-на Вехтера) оставил в силе все выводы суда первой инстанции, содержащиеся в обжалуемом приговоре.

Суд указал, что своим постановлением от 13 сентября 2000 г. (см. выше, пункты 16—19 настоящего постановления) он оставил без изменения обвинительный приговор в отношении первых двух заявителей на основании трех из четырех дискредитирующих фрагментов романа. Он воспроизвел эти фрагменты и по вопросу о диффамационном характере статьи сослался на основания, изложенные в его постановлении от 13 сентября 2000 г., аргументация которого, по мнению суда, «остаётся в силе». Суд также отклонил аргумент о добросовестности по следующим основаниям:

«Споры вокруг г-на Ле Пена и «Национального фронта» не утихают уже много лет, а в определенные моменты эти споры приобретают полемический характер.

Что касается романа «Суд над Жан-Мари Ле Пенем», суд отмечал в своем предыдущем постановлении, что установлено, что самой его темой является борьба против поли-

тических идей истцов, которая в данном случае приобрела форму романа.

Такая форма не исключает применения Закона от 29 июля 1881 г. в тех случаях, когда, во-первых, изображаемые персонажи могут быть отождествлены с реальными людьми, а во-вторых, направленные против них диффамационные высказывания являются отражением не нарративного процесса, а собственных взглядов автора.

На основании этого анализа суд посчитал, что данная ситуация имеет место в отношении самого романа. Это еще в большей степени относится к обсуждаемой статье, которая в двух отношениях отличается от художественного произведения — будучи опубликованной несмотря на то, что обсуждаемые фрагменты стали основой обвинительного приговора, и явно заявляя об этом отличии: «Если эти отрывки считаются диффамацией в романе, то они должны считаться диффамацией и в реальной жизни. Мы будем писать против Ле Пена».

Авторы обсуждаемого текста не имели никакой иной цели кроме демонстрации своей поддержки Матье Лендона, повторив с одобрением и вызовом все фрагменты, признанные судом диффамационными, фактически даже не задаваясь вопросом об их диффамационном характере.

Полемическая направленность текста не может освободить его от любого регулирования в сфере свободы выражения мнения, особенно в случае, когда линия аргументации основана не просто на академических дебатах, но ссылается на конкретные факты. Следовательно, имела место обязанность провести тщательное расследование, прежде чем выступать с весьма серьезными обвинениями, такими как подстрекательство к убийству, и избегать оскорбительных выражений наподобие тех, в которых г-н Ле Пен описывается как «главарь банды убийц» или вампир.

Аргумент о добросовестности не может быть поддержан судом <...>».

4. *Постановление Кассационного суда Франции от 3 апреля 2002 г.*

26. 23 марта 2001 г. третий заявитель обжаловал судебное постановление по вопросам права, заявив, в частности, что имело место нарушение требований статей 6 и 10 Конвенции. В отношении статьи 6 Конвенции он указал, что Апелляционный суд уже вынес постановление о том, что обсуждаемая книга опорочила честь и репутацию истцов, и что суд исходил из этого более раннего постановления, поэтому жалоба рассматривалась не беспристрастным судом, но «судом, который явно считал себя мишенью оспариваемой статьи».

27. Своим постановлением от 3 апреля 2002 г. Кассационный суд Франции отклонил жалобу по следующим основаниям:

«<...> Из обжалуемого постановления явствует, что Серж Жюли, главный редактор, был вызван в одиннадцатую коллегия Апелляционного суда в связи с его обвинением в публичной диффамации в отношении частного лица посредством опубликования статьи. Статья содержала некоторые фрагменты из книги, за публикацию которой ее автор был ранее признан виновным в соответствии со статьей 29 Закона от 29 июля 1881 г. Апелляционным судом в составе председательствующего Шарве и судей Блана и Делетана.

Заявитель не вправе обжаловать тот факт, что в состав Апелляционного суда, рассматривавший его дело, входили судьи Шарве и Делетан, так как участие в рассмотрении данного дела ряда судей коллегии по уголовным делам Апелляционного суда по обвинению сначала автора диффамационного текста, а затем главного редактора, допустившего публикацию некоторых фрагментов текста, не противоречит требованию о беспристрастности суда, закрепленному в пункте 1

статьи 6 Конвенции. Кроме того, вопреки мнению заявителя, в обжалуемом постановлении не содержится ничего, из чего можно было бы предположить, что судьи считали себя мишенями оспариваемого текста или что они выражали какое-либо мнение вопреки требованию о беспристрастности.

<...> Признав Сержа Жюли виновным <...> Апелляционный суд указал, что полемическая направленность текста не может освободить его от любого регулирования в сфере свободы выражения мнения, особенно в случае, когда линия аргументации основана не просто на академических дебатах, но ссылается на конкретные факты. Суд также отметил, что в данном деле обвинения, выдвинутые без тщательного предварительного расследования, были особенно серьезными, описывая истца как «главаря банды убийц» или как вампира.

С учетом этих обстоятельств, Апелляционный суд обосновал свое постановление, не нарушив требований статьи 10 Конвенции <...>».

II. ИМЕЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ДЕЛУ НОРМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

28. Соответствующие положения Закона «О свободе печати» от 29 июля 1881 г. гласят:

Статья 29

«Диффамацией считается какое-либо высказывание или утверждение о факте, которое порочит честь или репутацию физического или юридического лица, с которым связывается утверждаемый факт. Непосредственная публикация или воспроизведение такого высказывания или утверждения является правонарушением, даже если оно выражено в форме предположения или относится к физическому или юридическому лицу, не названному прямо, но идентифицируемому по признакам оспариваемых выступлений, выкриков, угроз, письменных или печатных материалов, плакатов или листовок.

Использование каких-либо бранных или пренебрежительных выражений или инвектив, не содержащих высказываний о факте, считается оскорблением».

Пункт 1 статьи 32

«Лицо, которое с помощью каких-либо из средств, указанных в статье 23 [включая продажу, распространение или предложение для продажи «письменных» и «печатных» материалов, а также «любого другого письменного средства»], допускает диффамационное высказывание в отношении частного лица, несет в случае признания виновным ответственность в виде лишения свободы на срок до шести месяцев и штрафа в размере до 12 тысяч евро, либо одного из этих наказаний».

Статья 42

«Нижеследующие лица несут ответственность за правонарушения, совершенные с использованием печати, в следующем порядке:

1. Главные редакторы или издатели, вне зависимости от их рода занятий или должности <...>».

29. Лицо может стать жертвой диффамации посредством изображения персонажей в романе или пьесе, при этом имя вымышленного персонажа необязательно должно соответствовать имени лица, которое считает себя жертвой диффамации, если это лицо изображено достаточно ясным образом, так что публика не может ошибиться (постановление Апелляционного суда г. Парижа от 8 марта 1897 г.). С другой стороны, тот факт, что имя вымышленного персонажа соответствует имени реального лица, недостаточен для того, чтобы последнее могло считать себя жертвой диффамации, даже если имеют место очевидные сходства и смешение (постановление

Апелляционного суда Алжира от 20 февраля 1897 г.). Такие ситуации обычно приводят к рассмотрению дела в гражданско-правовом порядке, и возмещение вреда присуждается в случаях, когда имело место нанесение вреда, то есть когда публика неизбежно была вынуждена связать вымышленного персонажа с реальным лицом, а ошибка в суждении может быть атрибутирована автору (постановления Апелляционного суда г. Парижа от 24 апреля 1936 г. и 8 ноября 1959 г.). (Источник: Сборник нормативных актов в сфере уголовного права [*Juris-Classeur de droit pénal*], 1996 год, Вопросы диффамации в печати [*Presse-Diffamation*], Выпуск 90, «Раздел 86 — литературные персонажи [*personnages littéraires*]»).

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. СОЕДИНЕНИЕ ЖАЛОБ В ОДНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

30. Ввиду связи между жалобами в том, что касается фактических обстоятельств и затрагиваемых ими обеими вопросами по существу дела, Европейский Суд считает целесообразным соединить их в одном производстве в соответствии с пунктом 1 правила 42 Регламента Суда.

II. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

31. Заявители утверждают, что имело место нарушение их права на свободное выражение мнения в связи с их осуждением в уголовном порядке за диффамацию и соучастие в диффамации. Они ссылаются на статью 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий.

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и правонарушений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

A. Доводы сторон, представленные Европейскому Суду

1. Доводы заявителей

32. Первые два заявителя утверждали, что их осуждение в уголовном порядке за диффамацию и соучастие в диффамации в связи с изданием книги «*Le Procès de Jean-Marie Le Pen*» («Суд над Жан-Мари Ле Пеном») представляло собой «наказание», которое не было «предписано законом» в значении, придаваемом этому понятию в прецедентной практике Европейского Суда. По их мнению, несмотря на внешнюю точность формулировки пункта 1 статьи 29 Закона от 29 июля 1881 г., на котором оно было основано, и обширную судебную практику в сфере применения норм об ответственности за диффамацию, их осуждение в уголовном по-

рядке не было «предсказуемым». Их основная критика в адрес Апелляционного суда г. Парижа сводилась к тому, что тот поставил перед собой цель установить мысли автора из слов вымышленных персонажей. Это, кроме всего прочего, зависело от того, был ли тот или иной персонаж представлен в «положительном свете». Рассматривая порочащие фрагменты романа таким образом, суд прибегнул к процессу дедукции, который, по их мнению, является субъективным и случайным подходом, не позволяющим писателям заранее определить пределы допустимой свободы слова, за которые они не могут выходить. В результате, а также в связи с тем, что этот подход не был применен с одинаковой четкостью ко всем вмененным им в вину фрагментам, постановление и аргументация Апелляционного суда в ряде отношений является непоследовательной и несвязной.

Во-вторых, заявители полагают, что такое «наказание» не было «необходимым в демократическом обществе». Они указали, в частности, что их осуждение в уголовном порядке как автора и издателя полностью художественного текста не было оправдано какой-либо «настоятельной общественной необходимостью». Они уделили особое внимание свободе выражения мнения автором романа и, ссылаясь, в частности, на постановление Европейского Суда от 8 июля 1986 г. по делу «Лингенс против Австрии» [*Lingens v. Austria*] (серия «А», № 103), тому факту, что обсуждаемая книга посвящена политике. Они также указывали, что национальные суды исказили обсуждаемые высказывания и что назначенное им «наказание», будучи уголовным по своему характеру, несоразмерно.

- 33.** Третий заявитель также утверждал, что его осуждение в уголовном порядке за диффамацию в связи с публикацией в газете «Либерасьон» петиции за подписью 97 писателей вместе с некоторыми фрагментами романа «Суд над Жан-Мари Ле Пенем», которые были признаны диффамационными Уголовным судом г. Парижа, не было «необходимым» в значении положений статьи 10 Конвенции. Ссылаясь, в частности, на значение свободы печати в демократическом обществе и подчеркивая, что вмененная ему в вину статья была опубликована в контексте политических дебатов по общезначимому вопросу, он указал, что его осуждение в уголовном порядке было особенно несоразмерным преследуемой государством цели, а именно — защите репутации г-на Ле Пена, еще и потому, что сам г-н Ле Пен склонен к провокациям и использованию оскорбительных выражений при выступлениях в средствах массовой информации.

2. Доводы государства-ответчика

- 34.** Государство-ответчик не оспаривает тот факт, что осуждение заявителей в уголовном порядке представляет собой акт вмешательства государства в реализацию их права свободно выражать свое мнение, но утверждает при этом, что вмешательство было «предписано законом», преследовало «законную цель» и, с учетом свободы усмотрения в сфере регламентации прав человека, предоставляемой государствам — сторонам Конвенции по таким вопросам, было «необходимым в демократическом государстве» для достижения этой цели, в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции.

- 35.** Что касается первого вопроса, то государство-ответчик указало, что осуждение заявителей в уголовном порядке было основано на пункте 1 статьи 29 и пункте 1 статьи 32 Закона «О свободе печати» 1881 года.

Государство-ответчик не согласилось с аргументом первых двух заявителей относительно того, что применение данных норм по их делу не было предсказуемым, указав, в частности, что ранее были примеры признания диффамации,

совершенной посредством опубликования литературного произведения (государство-ответчик сослалось при этом на постановление Апелляционного суда г. Парижа от 8 марта 1897 г.). Более того, в соответствии с тем, что указало в своем представлении Европейскому Суду государство-ответчик, второй заявитель признал в ходе апелляционного рассмотрения дела, что он осознавал риск того, что в результате издания обсуждаемой книги г-н Ле Пен может обратиться в суд с заявлением о возбуждении в отношении него дела. Что же касается якобы непоследовательных критериев, которыми национальные суды обосновали свои судебные акты, то этот вопрос касался не предсказуемости закона, а вопроса о том, было ли вмешательство государства в осуществление заявителями своих прав необходимо.

- 36.** Что касается второго вопроса, то государство-ответчик указало, что вмешательство государства в осуществление заявителями своих прав было призвано обеспечить «защиту репутации или прав других лиц» — а именно г-на Ле Пена и «Национального фронта» — и это одна из правомерных целей, перечисленных в пункте 2 статьи 10 Конвенции.

- 37.** Что касается необходимости и соразмерности вмешательства государства в осуществление первыми двумя заявителями своих прав, то государство-ответчик полагает, что суды, устанавливавшие факты, тщательно проанализировали диффамационный характер соответствующих фрагментов книги и аргументировали свои судебные акты «существенными» и «достаточными» основаниями. Государство-ответчик также подчеркнуло, что суды осудили в уголовном порядке первых двух заявителей не в связи с неприятием, выраженным в обсуждаемом произведении по отношению к идеям, за которые выступает «Национальный фронт», но лишь после сопоставления различных интересов. Хотя государство-ответчик понимает, что пределы допустимой критики шире, когда речь идет о политических деятелях, диффамационные высказывания явно нанесли ущерб репутации истцов. Более того, в связи с тем, что они были не оценочными суждениями, а утверждениями о фактах, могущими быть предметом доказывания, осуждение заявителей в уголовном порядке на том основании, что они не произвели «простой проверки» достоверности утверждений перед их опубликованием — при том, что у них была возможность это сделать — совместимо с требованиями статьи 10 Конвенции. Государство-ответчик добавило, что заявителям была предоставлена возможность доказать свою добросовестность, что наложенные на них штрафы и размер возмещения вреда не были несоразмерными и что суды не потребовали ни конфискации, ни уничтожения тиража книги.

Государство-ответчик пришло к аналогичному заключению и в случае третьего заявителя. По его мнению, национальные суды достигли справедливого равновесия между различными задействованными интересами (уважение к свободной политической дискуссии в прессе, защита репутации других лиц), учитывая тот факт, что дискредитирующие высказывания были серьезными и опубликованы в национальной газете с большим тиражом. Оно добавило, что публикация оспариваемой петиции вышла за рамки участия в политической борьбе в связи с движением ультраправых и фактически состояла в обвинении г-на Ле Пена и его партии в совершении недоказанных преступлений. Фактически, публикуя выдержки из книги, за которые были осуждены первые два заявителя в уголовном порядке, третий заявитель стремился оспорить диффамационный характер соответствующих утверждений и, таким образом, придать достоверность диффамационным высказываниям. Сделав это, он не проявил обязательные тщательность и умеренность, неразрывно связанные с «обязанностями и ответственностью» журналиста. Государство-ответчик добавило, что национальные суды наказали третьего заявителя не за критику осуждения в уголовном по-

рядке первых двух заявителей и не за информирование общественности о том, что подписавшие петицию лица выступают в их поддержку, но за то, что он сделал это таким образом, что сам совершил такое же правонарушение.

38. Государство-ответчик пришло к выводу о том, что жалобы заявителей на нарушение требований статьи 10 Конвенции явно необоснованны и, следовательно, неприемлемы для дальнейшего их рассмотрения по существу.

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским Судом

1. Вопрос о приемлемости жалоб для дальнейшего их рассмотрения по существу

39. Европейский Суд отмечает, что данный аспект жалоб не является явно необоснованным в значении положений пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд считает, что никаких иных оснований для признания его неприемлемым для дальнейшего рассмотрения по существу не было установлено и по этой причине признает его приемлемым.

2. По существу дела

40. Между сторонами отсутствует спор о том, было ли осуждение заявителей в уголовном порядке «вмешательством со стороны публичных властей» в их право на свободное выражение мнения. Такое вмешательство является нарушением требований Конвенции, если оно не соответствует критериям, установленным в пункте 2 статьи 10 Конвенции. Поэтому Европейский Суд должен определить, было ли оно «предписано законом», преследовало ли оно одну или более из законных целей, перечисленных в этом пункте, и было ли оно «необходимо в демократическом обществе» для достижения этой цели или целей.

(а) «Предписано законом»

41. Европейский Суд напоминает, что норма не может считаться «законом» в значении положений пункта 2 статьи 10 Конвенции, если она не сформулирована с точностью, достаточной для того, чтобы гражданин мог регулировать свои действия; он должен быть способен — если необходимо, с помощью соответствующей консультации — предвидеть, в разумной при тех или иных обстоятельствах степени, последствия, к которым может привести то или иное действие. Эти последствия не должны быть предсказуемы с абсолютной определенностью. Хотя определенность желательна, она может привести к избыточной жесткости, а закон должен быть способен приспособляться к изменяющимся обстоятельствам. Поэтому многие законы неизбежно сформулированы в большей или меньшей степени расплывчато, а их толкование и применение — вопросы правоприменительной практики.

Европейский Суд также напоминает, что охват понятия предсказуемости в значительной степени зависит от содержания соответствующего текста, сферы, которую он призван регулировать, и числа и статуса тех лиц, к кому он обращен. Закон может соответствовать требованию предсказуемости, даже если соответствующему лицу может понадобиться юридическая консультация для того, чтобы оценить — до разумной с учетом обстоятельств степени — последствия, к которым может привести то или иное действие. Это особенно относится к лицам, занимающимся профессиональной деятельностью, которые привычны к высокой степени осторожности при ее осуществлении. В связи с этим от них можно ожидать проявления особой тщательности при оценке рисков, которые подразумевает подобная деятельность (см., например, постановление Европейского Суда от 15 ноября 1996 г. по делу «Кантони

против Франции» [*Cantoni v. France*], 1996-V, § 35, а также постановление Европейского Суда «Шови и другие заявители против Франции» [*Chauvy and Others v. France*], жалоба № 64915/01, § 43—45, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2004-VI).

42. По настоящему делу правовое основание для осуждения заявителей в уголовном порядке может быть обнаружено в доступных и четко сформулированных положениях, а именно — в статьях 29 и 32 Закона от 29 июля 1881 г. Первое из этих положений гласит, в частности, что «диффамацией считается какое-либо высказывание или утверждение о факте, которое порочит честь или репутацию физического или юридического лица, с которым связывается утверждаемый факт», а в соответствии с судебной практикой по применению этих норм это может быть сделано посредством публикации художественного произведения, когда лицо, считающее себя жертвой диффамации, явно распознаваемо (см. выше, пункты 28—29 настоящего постановления).

Хотя судебная практика по применению норм по данному конкретному вопросу представляется довольно давней и немногочисленной — государство-ответчик ограничилось ссылкой на постановление Апелляционного суда г. Парижа от 8 марта 1897 г. — Европейский Суд должен уделить внимание тому факту, что первый и второй заявитель являются, соответственно, автором и председателем совета директоров издательства. Как профессионалы в издательском деле, они были обязаны ознакомиться с соответствующими нормами права и судебной практикой по таким вопросам, даже если это потребовало бы обращения за специализированной юридической помощью. Соответственно, поскольку в обсуждаемом романе фигурируют непосредственно г-н Ле Пен и «Национальный фронт», они не могли не знать о том, что в случае его публикации г-н Ле Пен и его партия могут возбудить в их отношении дело о диффамации по вышеуказанным законным основаниям.

Что касается критериев, использованных Апелляционным судом г. Парижа для оценки того, были ли оспариваемые фрагменты романа диффамационными, этот вопрос на самом деле связан с существенностью и достаточностью оснований, приведенных национальными судами с целью оправдания оспариваемого вмешательства в осуществление первыми двумя заявителями права на свободное выражение своего мнения. Поэтому Суд рассмотрит данный вопрос при оценке того, было ли вмешательство «необходимым».

43. В заключение, Европейский Суд полагает, что утверждение первых двух заявителей о том, что они не могли предсказать «в разумной степени» судебные последствия, к которым должна была привести для них публикация книги, несостоятельно. Поэтому Суд приходит к заключению, что обсуждаемое вмешательство государства было «предписано законом» в значении положений второго пункта статьи 10 Конвенции.

(b) Правомерная цель

44. Европейский Суд приходит к заключению, что вмешательство государства в осуществление заявителями своих прав, несомненно, преследовало одну из законных целей, предусмотренных в пункте 2 статьи 10 Конвенции: защита «репутации или прав других лиц», а именно Ж.-М. Ле Пена и «Национального фронта»; более того, этот вопрос не оспаривается сторонами.

(c) Необходимость в демократическом обществе

(i) Общие принципы

45. Свобода выражения мнения составляет одну из важнейших основ демократического общества и одно из основ-

ных условий его прогресса и самореализации каждой личности. С учетом требований пункта 2 статьи 10, она относится не только к «информации» или «идеям», которые воспринимаются благоприятно, считаются безобидными или встречаются с безразличием, но и к тем, которые оскорбляют, шокируют или тревожат. Таковы требования плюрализма, толерантности и широты взглядов, без которых «демократического общества» не существует. Как установлено в статье 10 Конвенции, эта свобода подлежит ограничениям, которые, однако, должны истолковываться строго, а необходимость каких-либо ограничений должна быть убедительно обоснована.

Прилагательное «необходимый» в значении положений пункта 2 статьи 10 Конвенции предполагает наличие «на-сущной общественной необходимости». Высокие Договаривающиеся Стороны обладают некоторой свободой усмотрения при определении того, существует ли такая необходимость, но эта свобода подлежит общеевропейскому контролю, который распространяется как на законодательство, так и на правоприменительные акты, даже на те, которые изданы независимым судом. Таким образом, Европейский Суд вправе вынести окончательное постановление по вопросу о том, было ли примененное властями «ограничение» прав совместимым со свободой выражения мнений, как она защищается положениями статьи 10 Конвенции

Задача Европейского Суда при реализации своих контрольных полномочий состоит не в том, чтобы занять место компетентных национальных властей, а в том, чтобы рассмотреть на предмет соответствия статье 10 Конвенции решения, вынесенные ими в рамках своей свободы усмотрения. Это не означает, что контроль ограничен определением того, реализовало ли государство-ответчик свое усмотрение разумно, тщательно и добросовестно; задача Суда состоит в рассмотрении обжалуемого вмешательства в свете дела в целом и определении того, являются ли основания, приводимые национальными властями в его оправдание, «существенными и достаточными», и было ли оно «соразмерно преследуемой правомерной цели». При этом Суд должен быть уверен в том, что национальные власти применили стандарты, совместимые с провозглашенными статьей 10 принципами, и, кроме того, что они основывались на приемлемой оценке соответствующих фактов (см., среди многих других источников по данному вопросу, постановление Европейского Суда от 25 августа 1998 г. по делу «Хертель против Швейцарии» [*Hertel v. Switzerland*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [Reports of Judgments and Decisions] 1998-VI, с. 2329—2330, § 46; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Педерсен и Баадсгаард против Дании» [*Pedersen and Baadsgaard v. Denmark*], жалоба № 49017/99, § 68—71, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2004-XI; «Стил и Моррис против Соединенного Королевства» [*Steel and Morris v. the United Kingdom*], жалоба № 68416/01, § 87, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2005-II; «Мамер против Франции» [*Matère v. France*], жалоба № 12697/03, § 19, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2006 — ...).

46. Пункт 2 статьи 10 Конвенции оставляет мало возможностей для ограничений свободы выражения мнения в области политических высказываний или дискуссий — где свобода выражения мнения приобретает особо важное значение (см. постановление Европейского Суда от 11 апреля 2006 г. по делу «Бразилье против Франции» [*Brasilier v. France*], жалоба № 71343/01, § 41) — или по вопросам, представляющим общественный интерес (см., среди прочих прецедентов, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сюрек против Турции (№1)» [*Süreç v. Turkey (no.*

1)], жалоба № 26682/95, § 61, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1999-IV, и упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Бразилье против Франции»).

Кроме того, границы допустимой критики в отношении политического деятеля как такового шире, чем в случае критики в адрес частного лица. В отличие от последнего, первый неизбежно и сознательно открывает себя для пристального наблюдения за каждым своим словом и поступком со стороны журналистов и общественности в целом, и должен, следовательно, проявлять большую терпимость (см., например, упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Лингенс против Австрии», § 42; постановление Европейского Суда от 27 мая 2004 г. по делу «Общественная организация “Видес Айзсардзибас Клубс” против Латвии» [*Vides Aizsardzibas Klubs v. Latvia*], жалоба № 57829/00, § 40; упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Бразилье против Франции»).

(ii) Применение вышеизложенных принципов к настоящему делу

(α) Первые два заявителя

47. Как отметил Апелляционный суд г. Парижа в своем постановлении от 13 сентября 2000 г., книга, издание которой привело к признанию заявителей виновными в диффамации и соучастии в диффамации, является «романом», «плодом вымысла» (см. выше, пункт 17 настоящего постановления). Роман — это форма художественного выражения, которая подпадает под действие статьи 10 Конвенции, так как предоставляет возможность участвовать в публичном обмене культурной, политической и общественной информацией и идеями любого рода. Те, кто создает или распространяет произведение, например литературного характера, вносят свой вклад в обмен идеями и мнениями, что весьма важно для демократического общества. Отсюда проистекает обязанность государства не посягать ненадлежащим образом на их свободу выражения мнения (см., среди других источников по данному вопросу, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Караташ против Турции» [*Karatas v. Turkey*], жалоба № 23168/94, § 49, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1999-IV; постановление Европейского Суда от 29 марта 2005 г. по делу «Альняк против Турции» [*Alınak v. Turkey*], жалоба № 40287/98, § 41—43).

Кроме того, при определении того, было ли вмешательство «необходимым», следует иметь в виду, что роман — это форма художественного выражения, которая, хотя и потенциально может привлекать к себе читателей на протяжении более длительного времени, обычно адресована более ограниченной аудитории, чем печатные средства массовой информации (в этом отношении см. упоминавшееся выше постановление Европейского Суда по делу «Альняк против Турции», § 41). Следовательно, число людей, узнавших об обсуждающихся по настоящему делу высказываниях, и, соответственно, размер потенциального ущерба, нанесенного правам и репутации г-на Ле Пена и его партии, были с большой долей вероятности ограничены.

48. Ставший предметом разбирательства роман, который был вдохновлен реальными событиями, но включает в себя и вымышленные элементы, воспроизводит судебный процесс над активистом «Национального фронта», который во время расклеивания листовок своей партии вместе с другими активистами совершил хладнокровное убийство молодого человека североафриканского происхождения и признает, что убийство было совершено из расистских побуждений. Опубликованный под названием «Суд над Жан-Мари Ле

Пеном», он открыто поднимает вопросы ответственности, которую несут «Национальный фронт» и его лидер за развитие расизма во Франции, и сложностей борьбы с этой угрозой (см. выше, пункты 11 — 12 настоящего постановления). Таким образом, данное произведение вне всякого сомнения касается обсуждения общественно важного вопроса и представляет собой активное выражение политического мнения, поэтому мы имеем дело со случаем, когда статья 10 Конвенции требует высокого уровня защиты права на свободное выражение мнения. Рамки усмотрения, предоставляемые государству при оценке «необходимости» наказания, наложенного на заявителей, были, таким образом, особенно ограничены (см. выше, пункт 46 настоящего постановления; см. также постановление Европейского Суда по делу «Стил и Моррис против Соединенного Королевства» [*Steel and Morris v. the United Kingdom*], жалоба № 68416/01, § 88—89, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2005-II, а также упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Мамер против Франции», § 20).

49. Европейский Суд прежде всего отмечает, что рассмотрение дела в отношении заявителей Апелляционным судом г. Парижа должным образом следовало данной концепции. В своем постановлении от 13 сентября 2000 г. Апелляционный суд установил, что вопрос «как можно эффективно бороться с Жан-Мари Ле Пеном?» «даже в романе не является сам по себе дискредитирующим его», и что «правоммерность цели, преследуемой обвиняемым посредством его романа, а именно «эффективно бороться с Жан-Мари Ле Пеном», иными словами, участвовать в политической борьбе, не может оспариваться в демократическом обществе». Суд, действительно, отметил, что «претендуя на «участие в борьбе», обсуждаемый роман и, в частности, фрагменты, признанные диффамационными, свидетельствуют об открытой враждебности по отношению к истцам». Он тем не менее установил, что эта враждебность, «явно относящаяся к неприятию, испытываемому обвиняемыми по отношению к идеям и ценностям, представляемым в публичных дискуссиях истцом как лидером «Национального фронта», «не направлена на истца персонально» и «не может быть признана предосудительной сама по себе» (см. выше, пункты 17—19 настоящего постановления).

50. Таким образом, представляется, что наказание, назначенное заявителям национальным судом, было направлено не против аргументов, излагаемых в обсуждаемом романе, но лишь против содержания определенных фрагментов, которые были признаны порочащими «честь или репутацию» «Национального фронта» и его лидера в значении положений статьи 29 Закона от 29 июля 1881 г. Более того, хотя первое рассмотрение дела в отношении обвиняемых уголовным судом касалось шести фрагментов романа (см. выше, пункт 13 настоящего постановления), в конечном счете они были осуждены в уголовном порядке на основании лишь следующих трех фрагментов:

[страница 10 романа: взгляд, приписанный автором участнику антирасистской демонстрации, собравшимся рядом с судом] «<...> эффективный способ борьбы с Ле Пеном состоит в том, чтобы он оказался на скамье подсудимых и чтобы было продемонстрировано, что он — не лидер политической партии, а главарь банды убийц — в конце концов, за Аль-Капоне люди бы тоже проголосовали».

[страницы 105—106 романа: здесь адвокат обращается к суду] «Почитайте газеты, послушайте радио и телевидение, каждое высказывание Жан-Мари Ле Пена украшено — а точнее, запачкано и забрызгано — расистским подтекстом, который в лучшем случае едва скрыт. Каждое из его слов — прикрытые для других, а из-за каждого его утверждения проглядывает весь

спектр самых страшных ужасов в истории человечества. Все это знают, все об этом говорят. Рональд Блистье сделал именно то, за что выступает Жан-Мари Ле Пен. Возможно, невольно — он старается соблюдать закон, хотя у него это не всегда получается. Но если вы подумаете о ситуациях, в которых он говорит, намеках, которые он делает, и людей, которых он поддерживает — никаких сомнений быть не может».

[страница 136 романа: заявление адвоката подсудимого по телевидению после самоубийства его подзащитного в тюрьме] «Как Жан-Мари Ле Пену может быть позволено играть роль жертвы после самоубийства Рональда Блистье? Разве лидер «Национального фронта» — не вампир, питающийся разочарованием своего электората, а иногда и его кровью, как и кровью своих врагов? Почему Ле Пен обвиняет демократов в предполагаемом убийстве Рональда Блистье? Потому что он не боится лжи — потому что диффамация в отношении оппонентов всегда представляется ему полезной, конечно, но это также и просто способ отведения подозрений от себя; именно он кричит громче всех в надежде, что его болтовня заглушит обвинения против него самого».

51. Однако заявители подвергли критике Апелляционный суд за стремление в целях рассмотрения их дела восстановить мысли автора из высказываний вымышленных персонажей в вымышленных ситуациях и за заключение о диффамационном характере соответствующих фрагментов на основании ответа на вопрос о том, дистанцировался ли автор от этих высказываний. По мнению заявителей, такой подход ведет к заключению литературы в систему жестких правил, противоречащему свободе художественного творчества и выражения мнения.

Европейский Суд не разделяет этот взгляд. Он полагает, напротив, что критерии, примененные Апелляционным судом г. Парижа при определении диффамационного характера фрагментов, соответствовали требованиям статьи 10 Конвенции.

В связи с этим Европейский Суд отмечает, что в своем постановлении от 13 сентября 2000 г. Апелляционный суд прежде всего указал, что любые произведения, даже романы, способны «порочить честь или репутацию лица» в значении положений статьи 29 Закона «О свободе печати» от 29 июля 1881 г. и, следовательно, быть основанием осуждения в уголовном порядке за диффамацию. Этот подход соответствует требованиям статьи 10 Конвенции. Принято считать, как отмечалось выше (см. пункт 47 настоящего постановления), что те, кто, например, создает или распространяет произведение, например литературного характера, вносят свой вклад в обмен идеями и мнениями, что весьма важно для демократического общества, и отсюда проистекает обязанность государства не нарушать недолжным образом их свободу выражения мнения. Это особенно важно тогда, когда, как в данном случае, произведение представляет собой активное выражение политического мнения (см. выше, пункт 48 настоящего постановления). Однако романисты — как и другие создатели — и те, кто распространяют их произведение, ни в коем случае не наделены иммунитетом от возможности наложения ограничений, как предусмотрено пунктом 2 статьи 10 Конвенции. Тот, кто реализует свою свободу выражения мнения, принимает на себя, в соответствии с явно выраженными требованиями этого пункта, «обязанности и ответственность».

52. Европейский Суд далее отмечает, что при оценке того, являются ли диффамационными фрагменты текста, которые он был призван рассмотреть, Апелляционный суд поставил перед собой задачу, действительно ли они «опорочили честь и репутацию» г-на Ле Пена и «Национального фронта». Насколько Суд вправе судить (см., например, упомянутое выше постановление Европейско-

го Суда по делу «Мамер против Франции», § 22), выводы национального суда по данному вопросу не могут быть подвергнуты критике ввиду агрессивного содержания соответствующих фрагментов и того факта, что в них конкретно названы партия и ее лидер.

Наконец, из постановления от 13 сентября 2000 г. очевидно, что дополнительные усилия Апелляционного суда по определению мыслей автора сыграли лишь в его пользу. Суд счел, что когда высказывания, «порочащие честь и репутацию лица», принадлежат рассказчику или персонажу в «художественном произведении», наказуемы в соответствии с Законом от 29 июля 1881 г. лишь те из них, которые отражают мысли автора, но не те, от которых автор действительно дистанцировался в своем произведении. Применение этого критерия привело к тому, что суд признал один из четырех представленных на его рассмотрение фрагментов недиффамационным.

53. Далее Апелляционный суд осуществил проверку того, могут ли заявители ссылаться в свою защиту на свою добросовестность, что было бы возможно, в соответствии с нормами национального права, если бы признанные диффамационными высказывания соответствовали преследованию правомерной цели, не были отражением какой-либо личной враждебности, предварялись серьезным расследованием и в них использовались сдержанные формулировки (см. выше, пункт 19 настоящего постановления).

Однако суд не счел возможным принять эту аргументацию, так как установил, что в отличие от двух первых два последних условия не были соблюдены.

54. Что касается серьезности расследования, предшествовавшего публикации романа, Апелляционный суд указал, что «поскольку речь идет о художественном произведении, [этот] вопрос не может рассматриваться так же, как если бы речь шла о тексте, предназначенном для информирования читателя о реальных фактах или комментирования таких фактов». Суд, тем не менее, счел данный критерий важным для настоящего дела, так как роман совмещает в себе реальность и вымысел — заметив в связи с этим, что хотя сюжет является вымышленным, лидер «Национального фронта», реальная фигура, представляет собой центр, по отношению к которому выражают себя вымышленные персонажи и вокруг которого они вращаются на протяжении всего романа — и поскольку идеи, риторика, поступки и жесты г-на Ле Пена достоверно описаны в романе. Применив данный критерий, Апелляционный суд установил, что «хотя риторика и идеи, приписываемые [г-ну Ле Пену и его партии], вместе с последующими дискуссиями несомненно созвучны действительному представлению идей «Национального фронта» в освещении французской политической жизни сегодня, обвиняемые не смогли представить каких-либо конкретных доказательств того, что использованию признанных порочащими честь и репутацию формулировок предшествовала минимальная их проверка на предмет соответствия действительности, представление о которой должно возникать в результате использования этих формулировок».

55. Европейский Суд полагает, что эта аргументация соответствует его прецедентной практике.

В связи с этим Суд напоминает, что для того, чтобы оценить оправданность оспариваемого высказывания, необходимо провести различие между утверждениями о фактах и оценочными суждениями. В то время как реальность фактов может быть продемонстрирована, истинность оценочных суждений не может быть предметом доказывания. Требование доказать истинность оценочного суждения невыполнимо и нарушает само право на свободное выражение мнения, которое является важнейшим элементом права, гарантированного статьей 10 Конвенции. Классификация высказывания как утверждения о факте или оценочного суждения

представляет собой вопрос, который прежде всего находится в рамках свободы усмотрения национальных властей, в частности национальных судов. Однако даже если высказывание представляет собой оценочное суждение, оно должно быть поддержано достаточным фактическим основанием, в отсутствие которого оно будет признано выходящим за надлежащие рамки (см., например, упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Педерсен и Баадсгаард против Дании», § 76).

Говоря в целом, необходимость в проведении такого различия отсутствует, когда речь идет о фрагментах романа. Однако оно становится весьма важным, когда соответствующее произведение является не вымыслом чистой воды, а имеет отношение к реальным лицам и фактам.

По настоящему делу, во-первых, требование к заявителям показать, что содержащиеся в признанных диффамационными фрагментах романа утверждения имели «достаточное фактическое основание», было более чем приемлемо, так как они были не чисто оценочными суждениями, но и утверждениями о факте, как указал Апелляционный суд. Во-вторых, Апелляционный суд проявил взвешенный подход, подвергнув заявителей критике не за то, что они не смогли доказать достоверность соответствующих утверждений, а за то, что они не провели «минимальной проверки» в этой связи.

56. Что касается содержания диффамационных отрывков, Европейский Суд также считает, что вывод Апелляционного суда о том, что они не были достаточно «сдержанными», соответствует его прецедентной практике.

Нельзя отрицать, что хотя лицо, принимающее участие в публичном обсуждении общезначимого вопроса, — как заявители по настоящему делу — не должно переходить определенные границы в отношении — в частности — уважения к репутации и правам других лиц, оно может прибегать к определенному преувеличению и даже провоцированию гневной реакции, то есть, иными словами, допускать в некоторой степени несдержанные высказывания (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Мамер против Франции», § 25).

Также нельзя отрицать, что пределы допустимой критики в адрес политического деятеля или политической партии (таких как г-н Ле Пен и «Национальный фронт») как таковых шире, чем если речь идет о частном лице (см. выше, пункт 47 настоящего постановления). Это особенно верно по настоящему делу, так как г-н Ле Пен, ведущий политик, известен агрессивностью своих выступлений и своими экстремистскими взглядами, на основании которых он несколько раз признавался виновным в возбуждении расовой вражды, отрицании преступлений против человечности и оправдании массовых жестокостей и военных преступлений, оскорблениях общественных деятелей и допущении иных оскорбительных высказываний. В результате он навлек на себя суровую критику и должен по этой причине проявлять особую терпимость в данном контексте (см., *mutatis mutandis*¹, постановление Европейского Суда от 1 июля 1997 г. по делу «Обершлик против Австрии (№2)» [*Oberschlick v. Austria (no. 2)*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1997-IV, § 31—33; «Лопеш Гомеш да Силва против Португалии» [*Lopes Gomes da Silva v. Portugal*], жалоба № 37698/97, § 35, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-X; постановление Европейского Суда от 27 октября 2005 г. по делу «Общество с ограниченной ответственностью Издательская группа “Виртшафтс-Тренд Цайтшрифтен-Верлагс” против Австрии» [*Wirtschafts-Trend Zeitschriften-Verlags GmbH v. Austria*], жалоба № 58547/00, § 37).

57. Европейский Суд, тем не менее, полагает, что по настоящему делу Апелляционный суд осуществил разумную оценку фактов, придя к заключению, что сравнение лица, пусть оно

даже и является политическим деятелем, с «главарем банды убийц», утверждение о том, что это лицо «выступало» за убийство, пусть даже совершенное вымышленным персонажем, и описание его как «вампира, который питается разочарованием своего электората, а иногда и его кровью», «равно выходит за допустимые в таких вопросах пределы».

Европейский Суд также полагает, что вне зависимости от накала политической борьбы вполне правомерны попытки добиться того, чтобы она соответствовала минимальной степени умеренности и пристойности, особенно в связи с тем, что репутация политического деятеля, даже вызывающего неоднозначные чувства, должна пользоваться защитой, предоставляемой Конвенцией.

Европейский Суд также учитывает характер обсуждаемых высказываний, в особенности лежащее в их основе намерение очернить противную сторону, а также тот факт, что их содержание возбуждает насилие и ненависть и таким образом выходит за рамки допустимого в политических дебатах, даже в отношении фигуры, занимающей экстремистское положение в политическом спектре (см., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда по делу «Сюрек против Турции (№1)», цитировавшееся выше, § 62—63).

58. Европейский Суд, соответственно, приходит к заключению, что «наказание», назначенное заявителям, было избрано на «существенных и достаточных» основаниях.

59. Что касается «соразмерности» наказания, Европейский Суд отмечает, что заявители были признаны виновными в совершении правонарушения и приговорены к уплате штрафа, поэтому, исходя только из этого соображения, понесенное ими наказание было само по себе очень серьезным. Однако, во-первых, в свете свободы усмотрения, предоставляемой Высоким Договаривающимся Сторонам статьей 10 Конвенции, уголовное наказание за диффамацию не может как таковое считаться несоразмерным преследуемой государством цели (см. постановление Европейского Суда по делу «Радио «Франс» и другие заявители против Франции» [*Radio France and Others v. France*], жалоба № 53984/00, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2004-II, § 40). Во-вторых, размер штрафа, наложенного на заявителей, был умеренным — 2286 евро 74 цента с каждого; то же следует сказать о размере возмещения вреда, который они должны были солидарно возместить каждому из истцов — 3811 евро 23 цента. Характер и суровость назначенного наказания являются факторами, которые должны приниматься во внимание при оценке соразмерности вмешательства государства в осуществление прав человека (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Сюрек против Турции (№1)», § 64).

В этих обстоятельствах, с учетом содержания обсуждаемых утверждений, Европейский Суд приходит к заключению, что меры, предпринятые в отношении заявителей, не были несоразмерны преследуемой государством правомерной цели.

60. В заключение, французский суд имел достаточно оснований прийти к заключению, что вмешательство государства в реализацию заявителями их права на свободное выражение мнения было необходимым в демократическом обществе — в значении положений статьи 10 Конвенции — в целях защиты репутации и прав г-на Ле Пена и «Национального фронта».

(β) Третий заявитель

61. Третий заявитель был осужден в уголовном порядке за диффамацию в качестве главного редактора газеты «Либерасьон» на основании публикации в рубрике «Отголоски»

этой газеты петиции, подвергающей критике осуждение первых двух заявителей в уголовном порядке за диффамацию и соучастие в диффамации Уголовным судом г. Парижа 11 октября 1999 г. В петиции также воспроизводились фрагменты романа, признанные этим судом диффамационными, и выражалось несогласие с такой их квалификацией (см. выше, пункт 21 настоящего постановления).

62. Опубликовав петицию, ежедневная газета «Либерасьон» сообщила об осуждении в уголовном порядке первых двух заявителей Уголовным судом г. Парижа за публикацию романа «Суд над Жан-Мари Ле Пенем», о поддержке, оказанной ими 97 подписавшими петицию писателями, и о мнении этих писателей, состоявшем в том, что соответствующие фрагменты не были диффамационными. Таким образом, не вызывает сомнения — и это фактически не было оспорено государством-ответчиком — что статья была опубликована в контексте обмена информацией и идеями по общезначимому вопросу, а именно по вопросу о полемике вокруг ультраправой партии и ее лидере — предмете политических дебатов — и об осуждении автора и издателя в уголовном порядке за публикацию книги, содержащей критику по отношению к этой партии и ее лидеру. Поскольку, таким образом, речь идет о свободе прессы, эта ситуация предусматривает особенно высокий уровень защиты свободы выражения мнения в соответствии со статьей 10 Конвенции.

В связи с этим Европейский Суд еще раз указывает на важнейшую роль свободной прессы в обеспечении надлежащего функционирования демократического общества. Хотя пресса и не должна переступать определенных границ — в особенности в том, что касается вопроса о репутации и правах других лиц — ее обязанностью, тем не менее является распространение — способами, совместимыми с ее обязанностями и ответственностью — информации и идей по всем вопросам, представляющим общественный интерес, включая относящиеся к отправлению правосудия. Дело не только в том, что задача прессы состоит в передаче такой информации и таких идей; общественность также имеет право на их получение. В противном случае пресса была бы неспособна играть свою важнейшую роль наблюдателя за процессами в обществе. Свобода журналистской деятельности включает возможность для журналистов прибегнуть к некоторой степени преувеличения или даже к провоцированию гневной реакции (см., например, упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Педерсен и Баадсгаард против Дании», § 71).

63. В своем постановлении от 21 марта 2001 г. по делу в отношении третьего заявителя Апелляционный суд г. Парижа указал, что своим постановлением от 13 сентября 2000 г. он оставил без изменения обвинительный приговор в отношении первых двух заявителей на основании трех из четырех диффамационных фрагментов романа. Он воспроизвел эти фрагменты, а в том, что касается диффамационного характера статьи, в которую были инкорпорированы указанные фрагменты, сослался на основания, изложенные в постановлении от 13 сентября 2000 г., аргументация в пользу которых, отметил суд, «остаётся в силе» (см. выше, пункт 25 настоящего постановления).

В свете своих собственных выводов по данному вопросу (см. выше, пункт 50 настоящего постановления) Европейский Суд считает эти основания «существенными и достаточными».

64. Затем Апелляционный суд г. Парижа отклонил доводы обвиняемых об их добросовестности. В этой связи он установил, что обсуждаемая петиция, еще в большей степени, чем сам роман, является отражением «непосредственных мыслей» ее авторов, так как она отличается

¹ Mutatis mutandis (лат.) — с соответствующими изменениями (примечание редакции).

от художественного произведения в двух отношениях: во-первых, она была опубликована, несмотря на то, что обсуждаемые фрагменты стали основой обвинительного приговора, а во-вторых, в ней было указано: «Если эти отрывки считаются диффамацией в романе, то они должны считаться диффамацией и в реальной жизни. Мы будем писать против Ле Пена». Суд установил, что тем самым авторы обсуждаемого текста не имели никакой иной цели, кроме демонстрации своей поддержки заявителя, «повторив с одобрением и вызовом все фрагменты, признанные судом диффамационными, фактически даже не задаваясь вопросом об их диффамационном характере». Апелляционный суд далее разъяснил:

«Полемическая направленность текста не может освободить его от любого регулирования в сфере свободы выражения мнения, особенно в случае, когда линия аргументации основана не просто на академических дебатах, но ссылается на конкретные факты. Следовательно, имела место обязанность провести тщательное расследование, прежде чем выступать с весьма серьезными обвинениями, такими как подстрекательство к совершению убийства, и избегать оскорбительных выражений наподобие тех, в которых г-н Ле Пен описывается как “главарь банды убийц” или вампир».

65. Таким образом, представляется, что третий заявитель был осужден в уголовном порядке не за то, что сообщил об осуждении первых двух заявителей в уголовном порядке за публикацию романа «Суд над Жан-Мари Ле Пенем», о поддержке, оказанной ими 97 подписавшими петицию писателями, или о мнении этих писателей, состоявшем в том, что соответствующие фрагменты не были диффамационными. Не был он осужден в уголовном порядке и на том основании, что «Либерасьон» не дистанцировалась от содержания петиции (см., например, упомянутые выше постановления Европейского Суда по делам «Радио «Франс» и другие заявители против Франции» и «Педерсен и Баадсгаард против Дании», § 37 и § 77 соответственно), или за воспроизведение или критику судебного акта — в таком случае осуждение в уголовном порядке было бы сложно признать соответствующим требованиям статьи 10 Конвенции. На самом деле он был осужден в уголовном порядке, так как «Либерасьон» опубликовала петицию, в которой воспроизводились фрагменты романа, содержащие «особо серьезные обвинения» и оскорбительные высказывания; лица, подписавшие петицию и воспроизведшие обвинения и высказывания с одобрением, отрицали диффамационный характер фрагментов, несмотря на признание судом обратного в отношении первых двух заявителей.

66. Европейский Суд полагает, что в вышеописанных рамках аргументация Апелляционного суда созвучна его собственному выводу о том, что обсуждаемые фрагменты были не просто оценочными суждениями, но и высказываниями о фактах (см. выше, пункт 54 настоящего постановления), и что Апелляционный суд провел приемлемую оценку фактов, придя к заключению, что фрагменты не были в достаточной степени сдержанными (см. выше, пункты 56—57 настоящего постановления). По этому последнему вопросу в особенности, с учетом содержания обсуждаемых фрагментов «Суда над Жан-Мари Ле Пенем», потенциального воздействия на общественное мнение признанных диффамационными высказываний в связи с их публикацией национальной ежедневной газетой с большим тиражом, и того факта, что для полного освещения осуждения первых двух заявителей в уголовном порядке и последовавшей критики не было необходимости воспроизводить эти фрагменты, Суд не считает лишенным оснований мнение о том, что третий заявитель вышел за пределы допустимой «провокации», воспроизведя фрагменты.

67. Кроме того, эта аргументация соответствует принципу наличия границ, которые не должна переступать пресса, в особенности по отношению к защите репутации и прав других лиц. Европейский Суд напоминает в связи с этим, что защита прав журналистов на распространение информации по общественно значимым вопросам требует, чтобы они действовали добросовестно, опирались в своей работе на достоверные фактические основания и предоставляли «надежную и точную» информацию в соответствии с принципами журналистской этики. В соответствии с требованиями пункта 2 статьи 10 Конвенции свобода выражения мнений подразумевает «обязанности и ответственность», которые распространяются на средства массовой информации даже по отношению к серьезным общественно значимым вопросам. Более того, эти «обязанности и ответственность» приобретают еще большее значение, когда речь идет об ущербе для репутации конкретного лица и нарушении «прав других лиц». Таким образом, для того, чтобы средства массовой информации могли освобождаться от их наличествующей по умолчанию обязанности по проверке утверждений о факте, диффамационных по отношению к частным лицам, требуются особые основания. Ответ на вопрос о том, существуют ли такие основания, зависит, в частности, от характера и степени соответствующей диффамации и от степени, в которой средства массовой информации считают свои источники надежными в связи с соответствующими утверждениями (см., например, упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Педерсен и Баадсгаард против Дании», § 78).

68. Наконец, с учетом умеренного размера штрафа и компенсации вреда, к выплате которых был присужден третий заявитель (штраф в размере 2286 евро 74 цента и возмещение вреда в размере 3811 евро 23 цента каждому из истцов), содержания обсуждаемого текста и потенциального воздействия на общественное мнение признанных диффамационными высказываний в связи с их публикацией национальной ежедневной газетой с большим тиражом, Европейский Суд приходит к заключению, что обжалуемый акт вмешательства государства в осуществление заявителем своих прав было соразмерен преследуемой цели.

69. В свете вышесказанного Европейский Суд полагает, что национальный суд имел достаточно оснований прийти к выводу, что вмешательство государства в реализацию заявителем его права на свободное выражение мнения было необходимо в демократическом обществе в значении положений статьи 10 Конвенции с целью защиты репутации и прав г-на Ле Пена и «Национального фронта».

(d) Заключение

70. В заключение, Европейский Суд приходит к выводу, что властями государства-ответчика никакого нарушения требований статьи 10 Конвенции ни в отношении первых двух заявителей, ни в отношении третьего заявителя допущено не было.

III. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

71. В своем обращении в Европейский Суд третий заявитель утверждал, что дело в отношении него не было рассмотрено «беспристрастным» судом в значении положений пункта 1 статьи 6 Конвенции, который гласит:

« Каждый <...> при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое <...> разбирательство дела <...> независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

А. Доводы сторон, представленные Европейскому Суду

72. В своем обращении в Европейский Суд третий заявитель указал, что в опубликованной 16 ноября 1999 г. статье, на основании которой он был осужден в уголовном порядке за диффамацию, была полностью воспроизведена петиция, открыто критиковавшая осуждение первых двух заявителей в уголовном порядке за диффамацию и соучастие в диффамации приговором Уголовного суда г. Парижа, которое было оставлено без изменения постановлением Апелляционного суда г. Парижа от 13 сентября 2000 г. Заявитель обжаловал тот факт, что двое из трех судей состава Апелляционного суда г. Парижа, который вынес постановление по его делу, входили также в состав суда, который ранее осудил двух первых заявителей. Он обратил особое внимание на то, что в соответствии с постановлением по его делу от 21 марта 2001 г. суд просто сослался на первый судебный акт в качестве аргументации для второго, во всяком случае в том, что касалось квалификации вменяемых ему в вину высказываний как диффамационных.

По его мнению, в таких обстоятельствах указанные двое судей с необходимостью имели заранее сформировавшееся мнение, и, таким образом, его дело рассматривалось небеспристрастным судом. Это особенно верно по той причине, что постановление, вынесенное по его делу Апелляционным судом г. Парижа, подвергло критике авторов петиции за то, что они повторили «с одобрением и вызовом все фрагменты, признанные судом диффамационными, фактически даже не задаваясь вопросом об их диффамационном характере», тем самым продемонстрировав, по мнению заявителя, что судьи рассматривали статью как в открытую направленную против них в их личном качестве.

73. Государство-ответчик не согласилось с этой аргументацией.

По мнению государства-ответчика, утверждение Апелляционного суда г. Парижа о том, что авторы петиции повторили «с одобрением и вызовом все фрагменты, признанные судом диффамационными», не могло означать, что судьи рассматривали статью как открыто направленную против них в их личном качестве. Кроме того, приписывание этого фрагмента постановления именно указанным двум судьям является домыслом: на самом деле это объективное заключение, основанное на анализе петиции. Государство-ответчик также утверждало, что заявитель не предоставил каких-либо доказательств предубежденности со стороны двух судей.

Государство-ответчик также заметило, что дело третьего заявителя не только имело место позже, чем дело первых двух заявителей, но также существенно отличалось от них. Ни стороны, ни дело не были теми же самыми, так как дело касалось не того же самого деяния. По мнению государства-ответчика, правовые вопросы, затрагиваемые в двух делах, также не пересекались: одно дело касалось вопроса о роли вымысла при квалификации деяния как диффамации, а второе — обязанности заявителя, касающейся проведения фактической проверки и проявления умеренности в его качестве главы редакции газеты «Либерасьон».

Государство-ответчик добавило, что по делу третьего заявителя судьи Апелляционного суда г. Парижа не ограничились ссылкой на постановление, вынесенное в отношении первых двух заявителей, но приняли во внимание и иные факторы, в частности, что статья была опубликована вне какого-либо литературного контекста и без какого-либо обсуждения идей. Государство-ответчик указало, что в соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда сам по себе тот факт, что судья уже выносил решение в связи с похожими, но отдельными правонарушениями, не может быть основанием для сомнений в беспристрастности этого судьи.

В. Оценка обстоятельств дела, данная Европейским судом

1. Вопрос о приемлемости жалобы для дальнейшего рассмотрения по существу

74. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении положений пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд считает, что никаких иных оснований для признания ее неприемлемой для дальнейшего рассмотрения по существу не было установлено, и по этой причине признаёт ее приемлемой.

2. По существу дела

75. Европейский Суд повторяет, что беспристрастность суда в значении положений пункта 1 статьи 6 Конвенции обычно означает отсутствие у суда предубеждения и предвзятости. Существуют два метода установления того, является ли суд беспристрастным: первый состоит в попытке определить личное убеждение или заинтересованность в деле конкретного судьи, а второй — в определении того, смог ли судья обеспечить гарантии, позволяющие исключить какие-либо правомерные сомнения по этому вопросу (см., например, постановление Европейского Суда от 20 мая 1998 г. по делу «Готрен и другие заявители против Франции» [*Gautrin and Others v. France*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports of Judgments and Decisions*] 1998-III, § 58; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Киприану против Кипра» [*Kyprianou v. Cyprus*], жалоба № 73797/01, § 118, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2005-XIII).

76. При применении первого метода личная беспристрастность судьи должна презюмироваться до тех пор, пока не будут представлены доказательства обратного (см., среди других источников по данному вопросу, постановление Европейского Суда от 26 февраля 1993 г. по делу «Падовани против Италии» [*Padovani v. Italy*], серия «А», № 257-В, § 26, а также упомянутое выше постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Киприану против Кипра», § 119). Третий заявитель утверждал в связи с этим, что аргументация, приведенная в постановлении Апелляционного суда г. Парижа от 21 марта 2001 г., о том, что «авторы [петиции] не имели никакой иной цели кроме демонстрации своей поддержки Матье Лендона, повторив с одобрением и вызовом все фрагменты, признанные судом диффамационными, фактически даже не задаваясь вопросом об их диффамационном характере», свидетельствовала о том, что судьи рассматривали статью как в открытую направленную против них в их личном качестве.

Европейский Суд не разделяет этот взгляд. По его мнению, это был лишь один из факторов, который принял во внимание Апелляционный суд при оценке того, действовал ли заявитель добросовестно, не делая по сути дела из него каких-либо выводов. На самом деле третий заявитель был осужден в уголовном порядке не потому, что опубликовал текст, в котором содержалась критика осуждения двух первых заявителей в уголовном порядке за диффамацию, и не потому, что он таким образом выразил поддержку «вызову» подписавших петицию лиц, но потому, что он, не проведя надлежащего предварительного расследования, распространил текст, содержащий «весьма серьезные обвинения» и оскорбительные высказывания. Более того, Суд не может усмотреть в аргументации, приведенной в постановлении от 21 марта 2001 г., малейший признак того, что эти судьи могли рассматривать статью как направленную против них в их личном качестве.

Таким образом, нет никаких доказательств, позволяющих предположить, что двое судей находились под влиянием личной предубежденности при вынесении постановления.

77. Что касается второго метода, то в случае применения его ко всему составу суда он требует определить, имели ли место, вне зависимости от поведения любого из членов этого состава, какие-либо конкретные факты, которые могут породить сомнения в его беспристрастности. В этом отношении даже внешние впечатления могут иметь некоторое значение. Следовательно, при принятии решения о том, есть ли в каждом конкретном случае правомерное основание для опасений, что конкретный состав суда не беспристрастен, точка зрения тех, кто заявляет о небеспристрастности, является важной, но не решающей. Решающим же фактором является то, может ли такое опасение быть объективно оправданным (см., например, упомянутые выше постановления Европейского Суда по делам «Готрен и другие заявители против Франции» и «Киприану против Кипра», § 58 и § 118 соответственно).

В данном случае опасение относительно небеспристрастности было обусловлено фактом — более того, доказанным фактом — что двое из троих судей из состава Апелляционного суда г. Парижа, оставившего без изменения обвинительный приговор в отношении третьего заявителя в связи с публикацией петиции, ранее, по делу двух первых заявителей, вынесли постановление о диффамационном характере трех фрагментов из романа, которые были процитированы в петиции.

Европейский Суд понимает, что эта ситуация могла вызвать у третьего заявителя сомнения относительно беспристрастности «суда», который рассматривал его дело, но полагает, что такие сомнения не оправданы объективно.

78. Европейский Суд отмечает, что хотя два дела были связаны между собой, их фактические обстоятельства отличались друг от друга, и «обвиняемыми» были разные лица: по первому делу вопрос заключался в том, были ли автор и издатель, опубликовавшие некоторые фрагменты «Суда над Жан-Мари Ле Пенем», виновны в диффамации и соучастии в диффамации; по второму делу суд должен был решить, совершил ли главный редактор «Либерасон» то же правонарушение, в журналистском контексте, опубликовав текст петиции, которая содержала те же самые фрагменты, при том, что подписавшие ее лица, повторив эти фрагменты с одобрением, отрицали их диффамационный характер, несмотря на признание обратного в судебном акте по делу автора и издателя (см., *a fortiori*¹, решение Европейского Суда от 14 июня 2001 г. по делу «Кракси против Италии (№3)» [*Craxi v. Italy (no. 3)*], жалоба № 63226/00). Кроме того, представляется ясным, что постановления, вынесенные по делу первых двух заявителей, не содержали каких-либо допущений относительно вины третьего заявителя (*там же*).

79. В постановлении от 21 марта 2001 г. по делу третьего заявителя Апелляционный суд г. Парижа действительно сослался на вынесенное им 13 сентября 2000 г. постановление по делу первых двух заявителей в части, касающейся диффамационного характера оспоренных фрагментов. Однако, по мнению Европейского Суда, это не оправдывает объективно опасений третьего заявителя о небеспристрастности со стороны судей. В первом постановлении Апелляционного суда, датированном 13 сентября 2000 г., были признаны диффамационными определенные фрагменты книги, написанной первым заявителем и опубликованной вторым. В этом отношении данное постановление получило преюдициальную силу. Во втором постановлении Апелляционного суда, датированном 21 марта 2001 г., этот прецедент должен был быть применен к данному аспекту спора, в то время как вопрос о добросовестности или недобросовестности третьего заявителя, который был ответственным за публикацию петиции, содержащей одобрение этой книги и критику осужде-

ния первых двух заявителей в уголовном порядке, оставался открытым, и на него не распространялась преюдициальная сила первого постановления. Таким образом, было бы излишне полагать, что двое судей, входивших в состав суда, который последовательно вынес два обсуждаемых постановления, могли нанести ущерб объективной беспристрастности суда. На самом деле в том, что касается квалификации текста как диффамационного, любой другой судья был бы точно так же связан принципом преюдициальности, а это означает, что их участие не оказало никакого влияния на соответствующую часть второго постановления. Что же касается вопроса о добросовестности, который рассматривался совершенно отдельно по каждому из дел, несмотря на их взаимосвязанность, нет никаких доказательств, чтобы предположить, что судьи были каким-либо образом связаны результатами своей оценки по первому делу (см., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда от 10 июня 1996 г. по делу «Томанн против Швейцарии» [*Thomann v. Switzerland*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports of Judgments and Decisions*] 1996-III, § 35).

80. Наконец, настоящее дело явно не подлежит сравнению с делом «Компания “Сан-Леонард Бэнд Клуб” против Мальты» [*San Leonard Band Club v. Malta*] (жалоба № 77562/01, § 63, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2004-IX), где судьи первой инстанции были вынуждены сами принимать решение по вопросу о том, допустили ли они ошибку в толковании или применении норм закона в своем предыдущем решении, иначе говоря, судить самих себя и свою способность применять закон.

81. Следовательно, любые сомнения, которые могли возникнуть у третьего заявителя относительно небеспристрастности Апелляционного суда г. Парижа при вынесении им постановления по второму делу, не могут считаться объективно оправданными.

82. В заключение, Европейский Суд приходит к выводу, что властями государства-ответчика никакого нарушения требований пункта 1 статьи 6 Конвенции допущено не было.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД

1. постановил соединить жалобы в одном производстве (принято единогласно);

2. признал жалобы приемлемыми для рассмотрения по существу (принято единогласно);

3. постановил, что по настоящему делу властями государства-ответчика не было допущено никакого нарушения требований статьи 10 Конвенции (принято тринадцатью голосами «за» и четырьмя голосами «против»);

4. постановил, что по настоящему делу властями государства-ответчика не было допущено никакого нарушения требований пункта 1 статьи 6 Конвенции (принято единогласно).

Совершено на английском языке и на французском языке и оглашено на публичном слушании дела во Дворце прав человека, г. Страсбург, 22 октября 2007 г.

Майкл О'Бойл,
заместитель
Секретаря-Канцлера
Европейского Суда

Христос Розакис,
Председатель
Большой Палаты
Европейского Суда

¹ *A fortiori* (лат.) — с большим основанием, с большей убедительной силой; тем более (примечание редакции).

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Европейского Суда к настоящему постановлению прилагаются следующие отдельные мнения¹:

- (а) совпадающее мнение судьи Лукаидеса;
- (б) совместное особое мнение судей Розакиса, сэра Николаса Братца, Тюлькенс и Шикуты.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЛУКАИДЕСА

Я согласен с выводами Европейского Суда по настоящему делу, но хотел бы выразить некоторые свои взгляды, касающиеся свободы выражения мнения и права на защиту репутации лица.

Нельзя не согласиться с важностью свободы слова и особенно свободы слова для средств массовой информации как важнейшего элемента демократического общества. Однако вопрос состоит в том, не может ли защита, предоставляемая этой свободе, при определенных обстоятельствах быть настолько неограниченной, чтобы лишать необходимых средств защиты жертв недостоверных, диффамационных высказываний.

На протяжении многих лет прецедентная практика Европейского Суда развивалась исходя из предпосылки, что в то время как свобода слова является правом, прямо гарантированным Конвенцией, защита репутации лица представляет собой лишь основание для допустимого ограничения этого права, которое может считаться оправданным вмешательством государства в осуществление гражданином права на свободное выражение мнения только при том условии, что такое вмешательство «необходимо в демократическом обществе», иными словами, если оно соответствует «наущенной общественной необходимости», «соразмерно преследуемой цели» и если «приведенные основания существенны и достаточны». Более того, будучи ограничением права, закрепленного в Конвенции, оно (как и любое иное ограничение таких прав) должно толковаться строгим и узким образом. Бремя приведения оснований для вмешательства в свободное выражение мнения лежит на государстве, оно также должно продемонстрировать наличие для этого «существенных и достаточных» оснований.

Этот подход привел к тому, что прецедентной практике по вопросу свободы слова время от времени была свойственна повышенная чувствительность, а в случаях вмешательства государства в свободу выражения мнений Европейским Судом предоставлялась большая защита, чем в случаях вмешательства в осуществление права на репутацию лица. Свобода слова поддерживалась как ценность высшего порядка, что во многих случаях могло лишать жертв диффамации надлежащего средства правовой защиты их достоинства.

Этот подход не может соответствовать верному толкованию Конвенции. Право на репутацию лица всегда должно было считаться охраняемым статьей 8 Конвенции как неотъемлемая составляющая права человека на уважение частной жизни.

Было бы необъяснимо не обеспечить непосредственную защиту репутации и достоинства личности в Конвенции о защите прав человека, написанной после Второй мировой войны и предназначенной для укрепления защиты личности после ужасов нацизма. Конвенция прямо защищает некоторые менее важные права, такие как право на тайну переписки. Поэтому сложно согласиться с тем, что основополагающая человеческая ценность достоинства личности¹ была лишена прямой защиты Конвенции, будучи вместо этого признавае-

мой, при определенных условиях, возможным ограничением свободы выражения мнения. Достоинство человека требует более сильной и прямой защиты от ложных порочащих обвинений, которые могут разрушать жизни — у нас есть много примеров таких трагических исходов. В этом отношении я хотел бы процитировать следующий фрагмент из своего особого мнения из доклада Комиссии по правам человека от 9 июля 1998 г., касающегося дела «Общество с ограниченной ответственностью “Бладет Тромсё” и Пол Стенсаас против Норвегии» [*Bladet Tromsø A/S and Pål Stensaas v. Norway*]:

«Пресса в наши дни является важным и мощным средством воздействия на общественное мнение. Впечатления, которые могут быть созданы посредством публикации в прессе, имеют обычно более решающее значение, чем действительность, так как пока действительность не будет установлена, ею считаются впечатления. А действительность может быть не установлена никогда — или когда она будет установлена, может оказаться слишком поздно для устранения ущерба, нанесенного первоначальными впечатлениями. Пресса фактически осуществляет серьезную власть и должна подлежать тем же ограничениям, которым подлежит осуществление любой власти, то есть она должна избегать злоупотребления властью, действовать добросовестно и уважать права других».

Признание того, что уважение репутации — это автономное право, источником которого является сама Конвенция, неизбежно приводит к более эффективной защите репутации лиц по отношению к защите выражения мнения.

В последние годы Европейский Суд явным образом признавал, что защита репутации — это право, которое является составной частью права на уважение частной жизни в соответствии с пунктом статьи 8 Конвенции (см. постановление Европейского Суда по делу «Шови и другие заявители против Франции» [*Chauvy and Others v. France*], жалоба № 64915/01, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2004-VI; решение Европейского Суда от 21 сентября 2004 г. по делу «Абеберри против Франции» [*Abeberry v. France*], жалоба № 58729/00; постановление Европейского Суда от 19 сентября 2006 г. по делу «Уайт против Швеции» [*White v. Sweden*], жалоба № no. 42435/02), хотя соответствующие прецеденты не расширили этот новый подход и не применялись по другим делам, затрагивавшим вопросы свободы слова и диффамации. В свете этой прецедентной практики защита репутации лица требует от государства обеспечить соблюдение соответствующего права, гарантированного Конвенцией и имеющего тот же статус, что и свобода выражения мнения. Любое диффамационное утверждение представляет собой вмешательство в осуществление права, гарантированного Конвенцией, и может быть оправданно только в том случае, если выполнены требования к допустимым ограничениям реализации этого права, то есть оно должно быть предписано законом и необходимо в демократическом обществе, соответствовать наущенной общественной необходимости, быть соразмерным преследуемой цели и так далее. Таким образом, защитить диффамационное высказывание с помощью Конвенции будет сложнее, если оно рассматривается как вмешательство государства в осуществление права, признаваемого в соответствии с Конвенцией, а не как необходимое ограничение свободы слова.

Когда имеет место конфликт между двумя правами, гарантируемыми Конвенцией, ни одно из них не может нейтрализовать другое посредством применения какого-либо абсолютного подхода. Оба права должны реализо-

¹ Согласно правилу 74 («Содержание постановления») Регламента Европейского Суда каждый судья, принимавший участие в рассмотрении дела, имеет право приложить к постановлению Суда свое отдельное мнение, совпадающее с мнением большинства, либо отдельное особое мнение, либо просто свое «заявление о несогласии». Совпадающим мнением [*concurring opinion*] называют мнение, которое совпадает с мнением большинства по существу дела, но расходится в вопросах его обоснования (*примечание редакции*).

вываться и сохраняться в гармонии посредством необходимых компромиссов, в зависимости от фактических обстоятельств каждого конкретного дела.

Созданный в прецедентной практике Европейского Суда принцип, состоящий в том, что при реализации свободы выражения мнения в области политических высказываний или дискуссий, по вопросам, представляющим общественный интерес, или в случае критики в адрес политических деятелей, как в настоящем деле, предусмотрены более широкие рамки допустимого, не должен толковаться как допускающий публикацию любых непроверенных диффамационных утверждений. По моему мнению, это принцип лишь означает, что в указанных выше областях и по отношению к политическим деятелям должны допускаться и не должны наказываться определенные преувеличения в утверждениях о фактах или даже некоторая агрессивность. Но этот принцип не означает, что репутация политических деятелей находится в руках средств массовой информации или иных причастных к политике лиц или что их репутация не пользуется такой же защитой, как репутация любого иного лица. Репутация — это священная ценность для каждого человека, включая политических деятелей, и охраняется Конвенцией как право в отношении всякого лица без исключения. Именно так я и рассматриваю фактические обстоятельства настоящего дела.

Я хотел бы воспользоваться этой возможностью, чтобы указать на некоторые негативные последствия избыточной защиты свободы выражения мнения за счет права на репутацию лица. Основной аргумент в пользу защиты свободы выражения мнения, даже в случае недостоверных диффамационных высказываний, состоит в поощрении свободного обсуждения важных для общества вопросов. Но не меньшую силу имеет и противоположный аргумент: запрещение недостоверных диффамационных утверждений не только защищает достоинство личности, но и предотвращает лживые высказывания и повышает общее качество общественной дискуссии, охлаждая пыл безответственных журналистов. Более того, такие дискуссии могут сдерживаться, если их потенциальные участники знают, что у них не будет средств защиты в том случае, если они станут жертвами диффамации. Запрет диффамации также предотвращает дезинформацию в средствах массовой информации и эффективно защищает право общественности на достоверную информацию. Наконец, ложные обвинения в отношении государственных деятелей, включая кандидатов на государственные должности, могут способствовать нежеланию способных людей работать на государственной службе, тем самым не помогая, а мешая политическому процессу.

Право на репутацию, имеющее такой же правовой статус, как и свобода слова, как разъяснено выше, достойно эффективной защиты, с тем чтобы при любых обстоятельствах любое ложное порочащее высказывание, будь то умышленное или нет, пусть даже неизбежное в условиях свободного обсуждения общественно значимых вопросов или в целях нормального функционирования прессы, не могло оставаться по умолчанию дозволенным.

Не следует забывать о том, что средства массовой информации в наши дни — это коммерческие предприятия с ничем не контролируемой и практически бесконечной властью, более заинтересованные в выгодных, сенсационных новостях, чем в доведении до общественности достоверной информации, контроле за злоупотреблениями со стороны государства или в достижении иных идеалистических целей. И хотя случайно, ненамеренно или время от времени — а иногда даже и намеренно — они могут достигать таких целей, они долж-

ны быть определенным образом ограничены ради уважения к истине и человеческого достоинства. Такие ограничения должны включать в себя обязанность проверять порочащие утверждения, прежде чем мчаться к типографскому станку, а также обязательство предоставлять возможность тем, кого коснулись их порочащие материалы, отреагировать и представить собственную версию. Кроме того, они должны быть юридически ответственными перед соответствующими лицами за любые ложные порочащие утверждения. Как и любая другая власть, средства массовой информации не могут быть ответственными только перед самими собой. Противоположная позиция ведет к произволу и безнаказанности, которые угрожают самой демократии.

СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ РОЗАКИСА, БРАТЦА, ТУЛЬКЕНС И ШИКУТЫ

Мы не можем согласиться с выводом большинства судей о том, что по настоящему делу не было допущено никакого нарушения требований статьи 10 Конвенции. Прежде всего, по нашему мнению, примечательно, что по ходу судебного разбирательства число фрагментов, признанных диффамационными, постепенно сокращалось: в направленной истцами повестке с вызовом в суд упоминалось шесть отрывков; Уголовный суд г. Парижа в своем приговоре от 11 октября 1999 г. признал диффамационными четыре из них; постановление Апелляционного суда г. Парижа от 13 сентября 2000 г. ограничилось тремя; наконец, Европейский Суд, со своей стороны, счел диффамационными два отрывка, состоящих всего из трех строк романа объемом 138 страниц.

I. Что касается *общих принципов*, следует подчеркнуть, что свобода выражения мнения является одним из основных демократического общества, отличительные черты которого — плюрализм, терпимость и открытость (см. постановление Европейского Суда от 7 декабря 1976 г. по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства» [*Handyside v. the United Kingdom*], серия «А», № 24, § 49). Суд неоднократно ссылаясь на ключевое значение свободы выражения мнения как одного из условий функционирующей демократии (см. постановление Европейского Суда по делу «Озгюр Гюндем против Турции» [*Özgür Gündem v. Turkey*], жалоба № 23144/93, § 43, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-III). Это выделение социальной функции свободы выражения мнения формирует принципиальную концепцию прецедентной практики Суда по отношению к статье 10 Конвенции. Из этого следует, что право на выражение мнения — это не только защита от вмешательства государства (индивидуальное право), но и общий фундаментальный принцип жизни в демократическом государстве. Более того, свобода выражения мнения — это не самоцель, а средство, с помощью которого утверждается демократическое общество. В данном контексте мы вначале рассмотрим ситуацию первых двух заявителей, а затем — третьего заявителя.

II. I. Что касается первых двух заявителей, мы придаем серьезное значение характеру обсуждаемого произведения и считаем, как объясняется ниже, что Европейский Суд уделил этому недостаточно внимания. Невозможно отрицать — и никем не оспаривается — что книга, содержащая два фрагмента, которые в конечном счете были признаны диффамационными, представляет собой не новостное сообщение, а роман, написанный автором, который признан в качестве такового. Мы не утверждаем, что художественное и литературное творчество должно обладать иммунитетом от любой критики и иметь право на

¹ В этой связи на ум приходят известные слова Шекспира: «Ни у мужчин, синьор мой, ни у женщин нет клада драгоценной доброй славы. Укравший мой кошелек украл пустое <...> Но добрую мою крадущий славу ворует то, без чего я нищий» («Отелло», Акт III, сцена 3) [перевод М. Лозинского. — примечание редакции].

любую разнузданность, но, тем не менее, полагаем, что этому аспекту следует уделять должное внимание.

В связи с этим мы не готовы поддержать мнение французских судов о том, что использованная форма выражения не имеет никакого значения или, как минимум, что это не является существенным фактором. Приговор Уголовного суда г. Парижа, вынесенный 11 октября 1999 г., например, исключает или нейтрализует это соображение: «несмотря на то, что речь идет о романе и что диффамационные замечания исходят только от вымышленных персонажей <...>», текст должен оцениваться «вне зависимости от своего литературного жанра». Апелляционный суд в своем постановлении от 13 сентября 2000 г. также указал, что он не будет учитывать тот факт, что произведение представляет собой роман и, следовательно, художественный вымысел: «<...> В связи с этим к любому тексту, будь то политическому, философскому, художественному или даже поэтическому, применяются соответствующие нормы по таким вопросам, касающиеся как общественного порядка, так и защиты частных лиц». Кроме того, пытаясь определить мысли автора по высказываниям вымышленных персонажей в вымышленных ситуациях, Апелляционный суд заключил литературу в систему жестких правил, противоречащую свободе художественного творчества и выражения мнения.

2. По нашему мнению, столь радикальная позиция представляет собой явное отступление от нашей прецедентной практики, которая всегда подчеркивала роль художественного творчества в политической дискуссии.

В постановлении от 24 мая 1988 г. по делу «Мюллер и другие заявители против Швейцарии» [*Müller and Others v. Switzerland*] (серия «А», № 133) Европейский Суд уже однажды указывал, что статья 10 Конвенции относится и к свободе художественного творчества — в рамках свободы получать и передавать идеи, что немаловажно — добавив, что это создает возможность принимать участие в обмене культурной, политической и социальной информацией и идеями (§ 27), и придя к выводу, что это налагает на государство особое обязательство не вмешиваться в свободу выражения мнения художниками (§ 33).

В области литературного творчества — о котором идет речь в настоящем деле — Суд применил статью 10 Конвенции к такому средству, как поэзия, в постановлении Большой Палаты от 8 июля 1988 г. по делу «Караташ против Турции» [*Karataş v. Turkey*], жалоба № 23168/94, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR-IV: «Обсуждаемое произведение содержит стихотворения, которые, посредством частого использования пафоса и метафор, призывали к самопожертвованию ради “Курдистана” и включали в себя некоторые особенно агрессивные пассажи, направленные против турецких властей. При буквальном прочтении стихотворения можно истолковать как возбуждающие ненависть и призывающие читателя к восстанию и насилию. При принятии решения о том, действительно ли это так, следует тем не менее помнить о том, что средством, к которому прибегнул заявитель, была поэзия, форма художественного выражения, которая адресована лишь меньшинству читателей» (§ 49). Далее, в контексте статьи 10 Суд отметил: «Те, кто создает, занимается исполнительскими искусствами, распространяет или выставляет произведения искусства, вносит свой вклад в обмен идеями и мнениями, который играет важнейшую роль в демократическом обществе. Отсюда возникает обязательство государства не вмешиваться ненадлежащим образом в их свободу выражения мнения» (*там же*). Наконец, Суд указал: «Что касается тона стихотворений, о которых идет речь в настоящем деле — не следует думать, что Суд его одобряет — необходимо помнить, что статья 10 Конвенции защищает не только сущность идей

и выраженную информацию, но и форму, в которой они были переданы» (*там же*).

Дело «Альнак против Турции» [*Alınak v. Turkey*] (постановление Европейского Суда от 29 марта 2005 г., жалоба № 40287/98) касалось романа, описывающего применение пыток в отношении жителей деревни и основанного на реальных событиях. Европейский Суд отметил: «<...> книга содержит фрагменты, в которых воспроизводятся подробные детали вымышленного жестокого обращения по отношению к жителям деревни, которые, несомненно, создают в сознании читателя значительную враждебность к несправедливости, жертвами которой стали жители деревни в романе. При буквальном прочтении некоторые фрагменты можно истолковать как возбуждающие ненависть и призывающие читателя к восстанию и насилию. При принятии решения о том, действительно ли это так, следует, тем не менее, помнить о том, что средством, к которому прибегнул заявитель, был роман, форма художественного выражения, которая адресована лишь меньшинству читателей — по сравнению, например, со средствами массовой информации» (§ 41). Повторив в пунктах 42 и 43 постановления все общие принципы, упомянутые нами выше, Суд указал, что «обсуждаемая книга представляет собой роман, то есть художественное произведение, пусть и основанное, действительно, на реальных событиях». Суд отметил далее: «<...> хотя некоторые фрагменты книги представляются весьма враждебными по своему тону, Суд полагает, что их художественный характер и ограниченное влияние означают, что это лишь выражение глубокой озабоченности в связи с трагическими событиями, а не призыв к насилию» (§ 45). По настоящему делу государство-ответчик не указало проданный и распространенный тираж романа Матье Лендона.

Не касаясь непосредственно романа или другого художественного произведения, дело «Клейн против Словакии» [*Klein v. Slovakia*] (постановление Европейского Суда от 31 октября 2006 г., жалоба № 72208/01) тем не менее представляется важным. В постановлении по этому делу Европейский Суд явным образом учел пояснения заявителя относительно того, что статья, которую он опубликовал в еженедельном журнале для интеллектуалов, была шуткой, и в его намерения не входило, чтобы она была понятна всем. Кроме того, журнал выходил ограниченным тиражом в 8 тысяч экземпляров (§ 48).

Наконец, в своем постановлении от 25 января 2007 г. по делу «Союз изобразительных искусств против Австрии» [*Vereinigung Bildender Künstler v. Austria*] (жалоба № 68354/01, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2007 — ...), касавшемся запрета выставки сочных непристойными картин, Европейский Суд обосновал свои выводы теми же принципами, которые были разработаны в прецедентах в области художественного творчества, отметив, что «художники и те, кто распространяет их произведения, разумеется, не обладают иммунитетом от возможности ограничений, предусмотренных в пункте 2 статьи 10 Конвенции» (§ 26). Однако в пункте 33 этого постановления приводится следующая оценка: «Суд приходит к выводу, что такое изображение представляло собой карикатуру на соответствующих лиц с использованием элементов сатиры. Суд отмечает, что сатира — это форма творческого выражения и комментирования жизни общества; посредством таких присущих ей черт, как преувеличение и искажение действительности, она естественным образом ставит перед собой цель провоцировать и возмущать. Соответственно, любое вмешательство в осуществление права художника на такое выражение должно рассматриваться с особой тщательностью».

3. Когда Европейский Суд, как в настоящем деле, рассматривает ситуацию конфликта между свободой выраже-

ния мнения (статья 10 Конвенции) и правом на защиту репутации лица (статья 8 Конвенции), его методика должна состоять в сопоставлении различных интересов друг с другом с целью определить, было ли достигнуто справедливое равновесие между конкурирующими правами и интересами. Однако ни Уголовный суд г. Парижа, ни Апелляционный суд г. Парижа не предприняли подобного анализа.

Более того, одобрив — или даже перефразировав — аргументацию, приведенную национальными судами, согласившись с использованной ими логикой, Европейский Суд в своем постановлении просто воздержался от самостоятельного рассмотрения дела. В результате надзор со стороны Европейского Суда попросту отсутствует или в лучшем случае значительно ограничен, и это представляет собой серьезное отступление от нашей прецедентной практики в области критики в адрес политических деятелей.

Поддержав метод анализа, примененный как в приговоре Уголовного суда г. Парижа от 7 сентября 2000 г., так и в постановлении Апелляционного суда г. Парижа от 21 марта 2001 г., проведя искусственное различие в тексте обсуждаемого романа между тем, что является вымыслом, и тем, что представляет собой намерение автора, большинство судей создало прецедент, характеризующийся неопределенностью по некоторым вопросам. В частности, вопрос о том, должны ли считаться диффамационными по своему характеру слова или высказывания, приписанные вымышленным персонажам, поставлен в зависимость от того, насколько автор в самом романе представляется дистанцировавшимся от сказанных слов. Это представляется нам очень хрупким фундаментом для вынесения заключения о том, виновен ли автор в диффамации. В качестве примера нам хотелось бы спросить, почему слова, приписанные любовнику адвоката — «поэтому они будут чувствовать себя морально вправе избить тебя — придти за тобой, десять на одного, с арматурой, дубинками, ботинками с железными носами <...> Никто безнаказанно не уходит из “Национального фронта”» (с. 86) — не признаны диффамационными, в то время как слова, приписанные антирасистским демонстрантам, собравшимся у здания суда — «<...> эффективный способ борьбы с Ле Пеном состоит в том, чтобы он оказался на скамье подсудимых и чтобы было продемонстрировано, что он — не лидер политической партии, а главарь банды убийц <...>» (с. 10) — явно признаны диффамационными?

4. Для того чтобы обеспечить точное применение норм прецедентной практики Европейского Суда к ситуации данного типа, необходимо оценить относительное значение различных факторов. Прежде всего, тот факт, что речь идет о романе, иными словами, о художественном произведении, может оправдывать более высокий уровень защиты. В связи с этим нам сложно поместить на одну плоскость, как это делает большинство судей (пункт 45 настоящего постановления), ситуации, касающиеся свободы выражения мнения в литературных произведениях и ситуации, где речь идет о защите этого права в контексте полицейского расследования (постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Педерсен и Баадсгаард против Дании» [*Pedersen and Baadsgaard v. Denmark*], жалоба № 49017/99, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2004-XI), опасностей, связанных с использованием микроволновой печи (постановление Европейского Суда от 25 августа 1998 г. по делу «Хертель против Швейцарии» [*Hertel v. Switzerland*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports of Judgments and Decisions*

1998-VI), или рекламы («Стил и Моррис против Соединенного Королевства» [*Steel and Morris v. the United Kingdom*], жалоба № 68416/01, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2005-II).

Кроме того, статус потерпевшей стороны также является фактором, который имеет значение при определении допустимых пределов охраняемых прав и свобод. В связи с этим общественные деятели и политики на основании тех обязанностей, которые они несут, подвержены критике по умолчанию и, следовательно, должны проявлять большую терпимость по отношению к полемическому дискурсу и даже прямым выпадам против себя. основополагающим прецедентом, касающимся критики в адрес политических деятелей, было, разумеется, постановление Европейского Суда от 8 июля 1986 г. по делу «Лингенс против Австрии» (§ 46), и с тех пор Суд в своей практике в высшей степени последовательно применял этот основополагающий принцип¹. Недавняя Декларация Комитета министров о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации в полной мере следует прецедентному праву Суда и разъясняет его смысл: «Политические деятели решают заручиться общественным доверием и соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии, а значит, общество может осуществлять за ними строгий контроль и энергично, жестко критиковать в СМИ то, как они выполняли или выполняли свои обязанности»². Европейский Суд применял эти принципы при рассмотрении дел, фактические обстоятельства которых были сходны с обстоятельствами настоящего дела. Например, по делу «Лопеш Гомеш да Силва против Португалии» [*Lopes Gomes da Silva v. Portugal*] (жалоба № 37698/97, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-X) заявитель был осужден в уголовном порядке за описание лица, баллотирующегося в Городской совет г. Лиссабона, как «гротеск и <...> шута <...> такую невероятную смесь грубого реакционерства, фашистского фанатизма и махрового антисемитизма» (§ 10), и Суд пришел к выводу об имевшем место нарушении статьи 10 Конвенции. *Mutatis mutandis*, в постановлении от 14 декабря 2006 г. по делу «Карман против России» [*Karman v. Russia*] (жалоба № 29372/02) Суд счел, что осуждение журналиста в уголовном порядке, который назвал политического деятеля «местным неонацистом», привело к нарушению требований статьи 10 Конвенции. В постановлении от 19 декабря 2006 г. по делу «Домбровский против Польши» [*Dąbrowski v. Poland*] (жалоба № 18235/02) Суд также признал нарушение требований статьи 10 Конвенции, когда речь шла об осуждении журналиста в уголовном порядке за опубликование статьи, в которой вице-мэр был назван «мэром-грабителем».

Что касается Жан-Мари Ле Пена, то вполне можно утверждать, что он должен проявлять еще большую терпимость именно потому, что он — политик, известный агрессивностью в высказываниях и экстремистскими взглядами. По данному вопросу мы в особенности хотели бы сослаться на постановление Европейского Суда от 1 июля 1997 г. по делу «Обершлик против Австрии (№2)» [*Oberschlick v. Austria (no. 2)*] (Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports of Judgments and Decisions*] 1997-IV), в котором Суд счел, что «когда политического деятеля публично называют «идиотом» [*Trottel*], это может его обидеть», но в данном деле «это слово не представляется несоразмерным негодованию, сознательно порожденному г-ном Хайдером» (§ 34). Аналогичным образом в своем постановлении от 27 октября 2005 г. по делу «Обще-

¹ M. Oetheimer. L'harmonisation de la liberté d'expression en Europe. Contribution à l'étude de l'article 10 de la Convention européenne des droits de l'homme et à son application en Autriche et au Royaume-Uni. Paris, Pédone, 2001, p. 112.

² Декларация о свободе политической дискуссии в средствах массовой информации [*Declaration on freedom of political debate in the media*] (принята Комитетом министров Совета Европы 12 февраля 2004 г. на 872-м заседании заместителей министров), пункт III.

ство с ограниченной ответственностью Издательская группа «Виртшафтс-Тренд Цайтшрифтен-Верлаг» против Австрии» [*Wirtschafts-Trend Zeitschriften-Verlags GmbH v. Austria*] (жалоба № 58547/00) Европейский Суд пришел к выводу, что г-н Хайдер был известным политическим деятелем, на протяжении многих лет известным своими двусмысленными высказываниями относительно национал-социалистического режима и таким образом навлекшим на себя жесткую критику как в Австрии, так и на европейском уровне. Поэтому он должен был проявлять особенно значительную терпимость в этом контексте (§ 37). Конечно, это замечание сохраняет свою силу лишь в контексте настоящего дела и дел, по которым были вынесены цитировавшиеся выше постановления Суда, и мы не предлагаем, чтобы оно применялось в общем порядке. В иных ситуациях может оказаться сложно определить экстремистский характер политических идей или отличить их от других категорий идей.

5. При рассмотрении оскорбительного, агрессивного и диффамационного дискурса Европейский Суд отмечал, что необходимо проводить различие в зависимости от того, являются ли соответствующие высказывания утверждениями о фактах или оценочными суждениями. Однако оценочные суждения должны поддерживаться достаточными фактическими основаниями. По общему правилу Суд считает, что необходимость связи между оценочным суждением и обосновывающими его фактами может отличаться в каждом случае в зависимости от конкретных обстоятельств (см. постановление Европейского Суда от 24 февраля 1997 г. по делу «Де Хаас и Гейселс против Бельгии» [*De Haes and Gijssels v. Belgium*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека [*Reports of Judgments and Decisions*] 1997-I, § 47; постановление Европейского Суда по делу «Фельдек против Словакии» [*Feldek v. Slovakia*], жалоба № 29032/95, § 86, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-VIII; упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Общество с ограниченной ответственностью Издательская группа «Виртшафтс-Тренд Цайтшрифтен-Ферлаг ГмбХ» против Австрии», § 35). Суд также пришел к выводу о том, что требование приведения фактов, на которых основано оценочное суждение, менее категорично в случаях, когда они уже известны широкой общественности (см. упомянутое выше постановление Европейского Суда по делу «Фельдек против Словакии», § 86). В данном контексте мы считаем уместным сделать два замечания.

Во-первых, общепризнанно — и большинство судей тоже признаёт это — что «необходимость в проведении такого различия отсутствует, когда речь идет о фрагментах романа» (пункт 55 настоящего постановления). Однако Европейский Суд полагает, что оно становится весьма важным, когда «соответствующее произведение является не вымыслом чистой воды, а имеет отношение к реальным лицам и фактам» (*там же*). По нашему мнению, это утверждение просто неверно. Роман «о реальной жизни» остается романом — точно так же, как литературная журналистика остается в первую очередь беллетристической. Строго говоря, Суд должен был сказать, что указанное правило приобретает определенную важность в случаях, когда роман и действительность совпадают.

Кроме того, критика в адрес заявителей со стороны Апелляционного суда относительно того, что они не провели «простую проверку», представляется нам не соответствующей фактам и действительности. По нашему мнению, очевидно, что достаточная фактическая основа может быть найдена в различных обвинительных приговорах, вынесенных в отношении г-на Ж.-М. Ле Пена на протяжении его политической карьеры, в частности, за совершение следующих преступлений: «отрицание преступлений против че-

ловечности и оправдание массовых жестокостей» (Апелляционный суд г. Версаля, 18 марта 1991 г., и Уголовный суд г. Нантерра, 26 декабря 1997 г.); «оправдание военных преступлений» (Кассационный суд Франции, 14 января 1971 г.); «антисемитизм, возбуждение расовой розни» (суд г. Обервилье, 11 марта 1986 г.); «возбуждение розни или расового насилия» (Апелляционный суд г. Парижа, 29 марта 1989 г., и Апелляционный суд г. Лиона, 23 марта 1991 г.); «агрессивные и оскорбительные высказывания в адрес общественных деятелей» (Апелляционный суд г. Парижа, 3 июня 1993 г., и суд г. Страсбурга, 6 января 1997 г.); «физическое насилие» (Уголовный суд г. Парижа, 16 января 1969 г., и Кассационный суд Франции, 2 апреля 1998 г.). Аналогичным образом г-н Жан-Мари Ле Пен проиграл ряд гражданских дел [о защите чести и репутации], в частности, по искам в связи с его обвинением в «призывах к расизму, антисемитизму и нацизму» (Апелляционный суд г. Амьена, 28 октября 1985 г., Апелляционный суд г. Лиона, 27 марта 1986 г., и Уголовный суд г. Тулона, 20 июня 1990 г., решение оставлено без изменения постановлением Апелляционного суда г. Экс-ан-Прованса от 25 февраля 1991 г.) и в связи с обвинением в его участии в применении пыток (Апелляционный суд г. Парижа, 22 июня 1984 г.). Кроме того, вполне разумно было бы утверждать, что речи и мнения г-на Жан-Мари Ле Пена, призывающие к розни и насилию и провоцирующие их, могли способствовать совершению активистами насильственных действий, а фактически стать их причиной.

6. Согласно нормам прецедентной практики Европейского Суда, границы свободы выражения мнения заканчиваются там, где начинаются призывы к насилию или ненависти. Напротив, в постановлении от 13 января 2005 г. по делу «Даитекин против Турции» [*Dağtekin v. Turkey*] (жалоба № 36215/97) — которое также касалось романа — Европейский Суд признал нарушение Конвенции, заметив, что хотя некоторые особенно язвительные фрагменты книги создавали крайне негативную картину истории турецкой государственности, и ее тон был, таким образом, враждебным, они, тем не менее, не представляли собой призывы к насилию, вооруженному сопротивлению или восстанию; не были они и «языком вражды» [*hate speech*] (§ 26). Суд пришел к аналогичному выводу и в постановлении от 5 декабря 2002 г. по делу «Иалчын Кючук против Турции» [*Yalçın Küçük v. Turkey*] (жалоба № 28493/95), которое касалось не романа, а сборника интервью; Суд тем не менее счел, что книга должна рассматриваться в общем контексте и что она была написана в литературном и метафорическом стиле.

В настоящем постановлении Европейский Суд повторяет, что он учитывает характер обсуждаемых высказываний, в особенности лежащее в их основе намерение очернить противную сторону, а также тот факт, что их содержание возбуждает насилие и ненависть и таким образом выходит за рамки допустимого в политических дебатах, даже в отношении фигуры, занимающей экстремистское положение в политическом спектре (§ 57). *Mutatis mutandis*, Суд ссылается на постановление своей Большой Палаты от 8 июля 1999 г. по делу «Сюрек против Турции (№1)» [*Süreker v. Turkey (no. 1)*] (жалоба № 26682/95, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1999-IV). Мы считаем некорректным проводить параллель между фактическими обстоятельствами настоящего дела и дела «Сюрек против Турции», касавшегося публикации крайне агрессивного текста, в котором турецкая армия была названа фашистской, а [Турецкая] республика — «бандой убийц», курдское население призывалось к войне против государства, содержались призывы к ненависти и насилию, и который следовало рассматривать в особом и чувствительном контексте курдского вопроса. Текст был в определенном смысле призывом к восстанию

против самого государства, а не критикой политического деятеля, который не представляет государство.

Кроме того, и в более общем плане, мы полагаем, что было бы излишне и неверно утверждать, что обсуждаемый роман представляет собой призыв к насилию или ненависти. Произведение подвергает критике политического деятеля, который сам склонен к высказываниям подобного характера, о чем свидетельствуют вынесенные в отношении него обвинительные приговоры. По настоящему делу выражения «главарь банды убийц» (с. 10) и «вампир, который питается разочарованием своего электората, а иногда и его кровью» (с. 136), не могут трактоваться буквально; их цель состоит в том, чтобы показать, что данный политик посредством своего дискурса призывает своих последователей к осуществлению актов крайне жестокого насилия, как показало само дело об убийстве Буарама. В этом отношении указанные выражения являются также оценочными суждениями, которые имеют установленные фактические основания.

7. Наконец, вынесенный по настоящему делу приговор отнюдь не был символическим, а соразмерность санкции не стала предметом анализа (сравните, например, с постановлением Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кумпэнэ и Мазэре против Румынии» [*Cumpăna and Mazăre v. Romania*], жалоба № 33348/96, § 111 и далее, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2004-XI). Кроме того, можно также задать вопрос о том, насколько в двадцать первом столетии остается оправданным наказание в уголовном порядке за нанесение ущерба репутации посредством прессы, средств массовой информации или иных форм коммуникации. В своей Рекомендации 1589 (2003) Парламентская Ассамблея Совета Европы замечает следующее: «В некоторых странах законодательство о средствах массовой информации устарело (например, французский закон о печати принят еще в 1881 году), и хотя ограничительные положения уже не применяются на практике, они создают удобный прецедент для новых демократических государств, не желающих демократизировать свое собственное законодательство о средствах массовой информации».

III. 1. Что касается третьего заявителя, главного редактора «Либерасьон», то мы допускаем, что позволить 97 писателям использовать колонку в этой газете для выражения таких взглядов было нежелательно. Однако, как указал Европейский Суд в настоящем постановлении, поскольку идет речь о свободе прессы, «эта ситуация предусматривает особенно высокий уровень защиты свободы выражения мнений в соответствии со статьей 10 Конвенции» (пункт 62 настоящего постановления). Никто не оспаривает того, что статья была опубликована в контексте обмена информацией и идеями по вопросам, представляющим общественный интерес.

В своем постановлении от 23 сентября 1994 г. по делу «Йерсильд против Дании» [*Jersild v. Denmark*] (серия «А», № 298) Суд — после предостережения о том, что если бы требование об обязанностях и ответственности применялось слишком строго, это влекло бы за собой угрозу защите свободы выражения мнения — указал, что повышенная ответственность журналиста не может оправдать контроль за методами, используемыми для передачи информации. В настоящем деле главный редактор газеты «Либерасьон» использовал рубрику, озаглавленную «Отголоски», и мы не вправе как-либо это комментировать. В постанов-

лении Большой Палаты от 20 мая 1999 г. по делу «Общество с ограниченной ответственностью “Бладет Тромсё” и Пол Стенсаас против Норвегии» [*Bladet Tromsø A/S and Pål Stensaas v. Norway*] (жалоба № 21980/93, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1999-III) Суд также признал, что ни его роль, ни роль национальных судов не заключается в том, чтобы подменять собой прессу и диктовать, какие журналистские приемы должны использовать журналисты.

2. Если не считать аргумента о том, что третий заявитель воспроизвел фрагменты текста, ранее признанные судом диффамационными, судебные власти Франции оправдывали его осуждение в уголовном порядке тем фактом, что полемические цели текста не могли освободить его от любого регулирования свободы выражения мнения, когда, будучи основной отнюдь не только на академической дискуссии, его аргументация была построена на отсылках к конкретным фактам, и что заявитель, таким образом, был обязан провести серьезное расследование, прежде чем выступать с крайне серьезными обвинениями, а именно в том, что г-н Ле Пен может считаться «главарем банды убийц» или «вампиром». Иными словами, для того, чтобы действия заявителя считались добросовестными, он должен был привести доказательства в поддержку своих дискредитирующих заявлений.

3. Такая обязанность представляется нам противоречащей прецедентному праву Европейского Суда, касающемуся обязанностям и ответственности прессы. Например, в своем постановлении от 29 марта 2001 г. по делу «Тома против Люксембурга» [*Thoma v. Luxembourg*] (жалоба № 38432/97, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-III) Суд имел возможность определить обязанности журналистов при публикации сведений, предоставленных им третьей стороной, и в очередной раз сформулировать принцип, согласно которому «наказание журналиста за содействие в распространении утверждений иного лица <...> серьезно препятствовало бы участию прессы в обсуждении вопросов, представляющих общественный интерес, и не должно быть предусмотрено, если для этого отсутствуют какие-либо особо серьезные основания» (§ 62). Третий заявитель не может подвергаться серьезной критике за информирование общественности о протестном движении, возникшем после осуждения Матье Лендона в уголовном порядке за его произведение — но он не может подвергаться критике и за то, что не скорректировал с помощью своих собственных комментариев утверждения, признанные диффамационными. В своем постановлении от 30 марта 2004 г. по делу «Радиовещательная компания “Радио Франс” и другие заявители против Франции» [*Radio France and Others v. France*] (жалоба № 53984/00, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2004-II) Суд указал, что «<...> общее требование того, чтобы журналисты систематически и формально дистанцировались от содержания цитаты, которая может обидеть или спровоцировать других или нанести ущерб их репутации, несовместимо с ролью прессы, состоящей в предоставлении информации о текущих событиях, мнениях и идеях» (§ 27). Следовательно, нельзя утверждать, что самим фактом освещения в рубрике «Отголоски» поддержки, оказанной Матье Лендону со стороны 97 писателей, и публикации их мнения о том, что вмененные ему в вину фрагменты текста не были диффамационными, третий заявитель не выполнил своей обязанности действовать добросовестно.

Перевод с английского языка.

Под редакцией А.И. Ковлера,
судьи Европейского Суда по правам человека,
доктора юридических наук, профессора.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»